

ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

Мельница
на Флоссе

Джордж Элиот
Мельница на Флоссе
Серия «Магистраль. Главный тренд»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73870382

Мельница на Флоссе: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-246117-0

Аннотация

Мэгги многим была обязана своему брату Тому. Он спас семью от разорения, когда их отец обанкротился и погряз в долгах. После этого Том решил, что вправе указывать Мэгги во всем – даже в том, кого любить, а кого нет. Узнав о связи Мэгги с Филипом, он хотел заставить сестру забыть об этом жалком человеке. К тому же в девушку влюблен богатый красавец Стивен. Но он – жених ее кузины Люси. Мэгги понимает, что, ответив взаимностью Стивену, она разобьет кузине сердце и ранит душу Филипа. В борьбе с собой и жестокой волей брата Мэгги предстоит сделать выбор. Позволить себе любить и жить, не оглядываясь на других? Или смириться, так и не позволив себе стать счастливой?..

Содержание

Книга первая. Брат и сестра	5
Глава I. Описание Дорлкотской мельницы	5
Глава II. Мистер Талливер принимает решение о будущем Тома	9
Глава III. Мистер Райли дает совет насчет школы для Тома	17
Глава IV. В ожидании Тома	36
Глава V. Том возвращается домой	44
Глава VI. В которой ожидают тетушек и дядюшек	59
Глава VII. Появление дядюшек и тетушек	77
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джордж Элиот

Мельница на Флоссе

George Eliot

THE MILL ON THE FLOSS

© Островская А. Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Книга первая. Брат и сестра

Глава I. Описание Дорлкотской мельницы

Равнина тянется далеко, а река Флосс несет свои воды к морю между зелеными берегами. Прилив, словно влюбленный, стремится навстречу реке и, обняв ее, замедляет течение. Мощная волна несет черные корабли, груженные смолистыми сосновыми досками, туго набитыми мешками с маслянистыми семенами или блестящим черным углем. Они плывут вверх по течению, к городку Сент-Оггс, где старинные остроконечные крыши и широкие причалы верфей виднеются между лесистым холмом и рекой, отбрасывая на воду легкую лиловую тень в мимолетных лучах февральского солнца.

По обоим берегам раскинулись тучные пастбища и темные вспаханные поля, готовые для посева, кое-где уже тронутые нежной зеленью озимой пшеницы. Кое-где за изгородями стоят прошлогодние скирды, похожие на ульи. Деревья растут вдоль каждой ограды, и кажется, будто мачты далеких кораблей поднимаются прямо среди ветвей раскидистых ясеней. У самых окраин города, где крыши краснеют

на солнце, во Флосс впадает речушка Рипл. Как хороша она своей темной, вечно изменчивой рябью! Когда я иду вдоль берега и слушаю ее тихое журчание, она кажется мне живым собеседником – ее голос звучит будто умиротворяющий шепот влюбленной. Я помню ее раскидистые склоненные ивы, помню каменный мост.

Вот и сама Дорлкотская мельница. Я остановлюсь на мосту на минуту, чтобы взглянуть на нее, хотя тучи уже сгущаются и день клонится к вечеру. Даже в конце февраля, в эту сырую и холодную пору, мельница привлекает внимание – быть может, непогода придает особое очарование этой уютной постройке, такой же старой, как вязы и каштаны, защищающие ее от порывов северного ветра. Река теперь полноводна – вода поднялась и затопила часть лужайки перед домом, где трава уже зеленеет. Глядя на разлив, на яркую зелень, на блестящий мох, смягчающий очертания старых коряг и веток, я проникаюсь странной любовью к этой сырости и даже завидую белым уткам, которые так беззаботно ныряют среди ив, совсем не думая о том, как нелепо они выглядят сверху.

Гул воды и стук мельничного колеса навевают на меня дремотное оцепенение, как будто усиливая ощущение безмятежного покоя. Эти звуки, как завеса, отделяют меня от остального мира. Вот грохочет большая крытая телега, возвращающаяся с мешками зерна, – извозчик думает о своем обеде, который, наверное, уже пережарился в печи, но сам

он не притронется к еде, пока не накормит лошадей – сильных, покорных животных. Мне кажется, когда он щелкает кнутом, будто угрожая, лошади смотрят на него из-под шор с неммым укором. Посмотрите, как энергично они тянут телегу в гору к мосту: они чувствуют, что дом близко. Видите их большие лохматые копыта, крепко упирающиеся в землю, их согнутые под ярмом шеи, напряженные бедра? Мне бы хотелось услышать, как они радостно заржут над заслуженным кормом, увидеть, как, освободившись от упряжи, они опустят морды в мутную воду пруда. Но вот они уже на мосту, быстро спускаются вниз, и телега скрывается за поворотом.

Теперь я снова могу разглядывать мельницу и следить за неустанным колесом, разбрасывающим алмазные брызги воды. Девочка на берегу тоже смотрит на него – она стоит там с тех пор, как я остановился, а белая собака с коричневыми ушами прыгает и лает, словно споря с колесом, – может, она ревнует, что ее подружка в пуховой шляпе так увлечена его движением. Пора бы ей уже возвращаться домой, где окна горят манящим светом и его красноватые блики мерцают под хмурым небом. Пора бы и мне убрать руки с холодного парапета...

Ох, у меня и вправду затекли руки. Я оперся на подлокотники кресла, вспоминая, как стоял на мосту у Дорлкотской мельницы февральским вечером много лет назад. Прежде чем наконец задремать, я расскажу вам, о чем говорили мистер и миссис Талливер у камина в гостиной как раз в тот

самый день, что мне привиделся.

Глава II. Мистер Талливер принимает решение о будущем Тома

– Вот что я решил, – заявил мистер Талливер. – Я хочу дать Тому хорошее образование, такое, которое прокормит его в будущем. Поэтому после Благовещения я забираю его из академии, а ко дню Иоанна Крестителя отдам в приличную школу. Если бы я хотел сделать из него мельника или фермера, двух лет учебы хватило бы – он и так уже знает больше, чем я. Все мое образование, за которое отец платил, – это азбука да розги. Но я хочу, чтобы Том стал ученым человеком, чтобы разобрался во всех этих хитростях, которыми владеют краснобай – те, что говорят красиво да пишут витиевато. Он станет мне подмогой в тяжбах, третейских судах и прочих делах. Я, конечно, не сделаю из него настоящего адвоката – не хочу, чтобы вырос негодяем, – но инженером, землемером или оценщиком, вроде Райли... Одним словом, подготовлю его к делу прибыльному, где не нужно тратиться – разве что на массивную цепочку для часов да на высокий табурет. Все это, по-моему, сродни адвокатуре. Райли, например, самому адвокату Уэйкему смотрит прямо в глаза, как кошка смотрит на кошку, и ни капли его не боится.

Мистер Талливер обращался к жене – белокурой, добродушной женщине в веерообразном чепце – страшно поду-

мать, как давно вышли из моды такие чепцы... Хотя, быть может, скоро они снова будут популярны. В те времена, когда миссис Талливер было около сорока, они только-только появились в Сент-Огтсе и считались верхом изящества.

– Пожалуй, мистер Талливер, тебе лучше знать, – ответила она. – Я не смею перечить. Может, стоит зарезать пару кур и позвать на обед теток и дядей? Послушали бы, что скажут сестра Глегг и сестра Пуллит. У нас как раз есть две курицы, которых давно пора пустить в дело.

– Можешь перерезать всех кур на дворе, но я не стану спрашивать ни теток, ни дядей, как мне растить своего собственного сына! – надменно заявил мистер Талливер.

– боже мой! – воскликнула миссис Талливер, пораженная его кровожадным заявлением. – Как ты можешь так говорить? Ты всегда с таким пренебрежением отзываешься о моей родне! А сестра Глегг во всем винит меня, хотя я невинна, как младенец во чреве матери. Да я вечно всем твержу, как нашим детям повезло, что у них тетушки и дядюшки со средствами. Но если Тома отдавать в новую школу, пусть это будет школа поближе, чтобы я могла стирать и штопать его белье. Иначе хоть полотняные рубашки, хоть ситцевые – после шести стирок пожелтеют одинаково. Да и я хоть смогу передать ему вместе с бельем пряник, пирог со свиной или яблоко – лишний кусок ему не повредит. Слава богу, мои дети едят досыта!

– Ладно, ладно, – смягчился мистер Талливер. – Если не

найдем школу поблизости, не будем отправлять его далеко. Но и ты, Бесси, не вставляй мне палки в колеса со своей стиркой. Вот вечно у тебя так: видишь препятствие и сразу думаешь, что его не обойти. Это ведь из-за тебя я не нанял хорошего извозчика, только потому что у него на лице была родинка!

– Господи помилуй! – удивилась миссис Талливер. – Да разве я когда-нибудь невзлюбила человека из-за родинки? Мне они даже нравятся! У моего покойного брата была родинка на лбу. И не припомню, мистер Талливер, чтобы ты предлагал мне нанять извозчика с родинкой. Был у нас Джон Гибс – без единой родинки, и я сама тебя уговаривала его взять... Если бы он не умер от воспаления легких (а мы еще и заплатили доктору Тернбуллу за лечение), он бы до сих пор возил вашу телегу. Разве что родинка у него была где-то, где я не видела...

– Нет, нет, Бесси, вовсе не о родинке речь... Все равно. Ох, трудно объяснить! – Мистер Талливер задумался. – Главное – найти подходящую школу для Тома, а то меня, как с той академией, опять обманут. Никаких академий! Пусть это будет место, где дети учатся чему-то полезному, а не чистят сапоги да копают картошку. Трудное дело – выбрать школу...

Он замолчал, засунув руки в карманы, словно надеясь найти там подсказку. И, кажется, нашел:

– Знаю, что делать! Поговорю с Райли. Завтра он приедет

на арбитраж по поводу плотины.

– Я уже подготовила для него постель, а Касия просушила простыни у огня. Не самые лучшие, но вполне приличные. А вот те голландские – иногда я думаю, что зря на них потрадилась, но ведь нужно нас как следует обрядить на смертном одре... Умри ты завтра – они уже выглажены, лежат в дубовом сундуке, пахнут лавандой... Хотя ясно, что я никому не позволю и пальцем до них дотронуться.

С этими словами миссис Талливер достала из кармана связку ключей, выбрала нужный и, слегка потирая его пальцами, безмятежно улыбнулась, глядя на огонь. Будь мистер Талливер ревнивым, он мог бы подумать, что жена уже представляет, как достает эти простыни для его похорон. К счастью, он ревностно относился только к своим правам на воды Флосса, да и вообще привык не вслушиваться в ее речи. Упомянув Райли, он задумался, теребя шерстяные носки.

– Кажется, я придумал, Бесси, – сказал он, немного погодя. – Райли точно знает, куда отдать Тома. Он сам учился, бывает повсюду – и на третейских судах, и на оценках. Завтра после дела обсудим. Я хочу, чтобы Том стал таким же, как он: говорил складно, знал кучу умных слов, за которые закон не зацепится, но и дело понимал.

– Пожалуй, – согласилась миссис Талливер. – Пусть учится, говорит красиво, ходит гордо, зачесывает чуб... Только эти городские краснобаи вечно занасивают свои манишки до дыр, а потом прикрывают их шейным платком. Райли так

делает, я знаю. И если Том переедет в Медпорт, у него, как у Райли, будет дом с крошечной кухней, где не развернуться, и завтракать он будет тухлыми яйцами, а спать на четвертом этаже – случись пожар, он сгорит, не успев спуститься.

– Нет, нет, – возразил мистер Талливер, – я не собираюсь отправлять его в Медпорт. Пусть откроет контору здесь, в Сент-Оггсе, рядом с нами, и живет дома. Я только боюсь, что с Томовой головой умника не сделаешь. Чувствую, он хитер. В твою родню пошел, Бесси.

– Что правда, то правда, – вздохнула миссис Талливер, ухватившись за последние слова. – И суп любит посолонее, прямо как мой отец и мой братец.

– Дочка-то в меня пошла, – продолжил мистер Талливер. – Вот что значит смешивать породы – никогда не угадаешь, что получится. Мэгги куда сообразительнее Тома. Боюсь, она даже слишком сообразительна для девочки. – Он покачал головой. – Это ничего, пока она маленькая, но слишком умная женщина – все равно что длиннохвостая овца: дороже ее за это не оценят.

– Мне и сейчас с ней беда! – отозвалась миссис Талливер. – Вся ее сообразительность – в проказах. Не могу заставить ее проносить чистый передник хотя бы два часа. И вот, кстати... – Миссис Талливер встала и подошла к окну. – Где она сейчас? Уже время к чаю. Так и есть: бродит у воды, как дикарка! Того и гляди упадет!

Она постучала по стеклу, погрозила пальцем и покачала

головой, проделала все это несколько раз и наконец вернулась в кресло.

– Ты говоришь о сообразительности, – проворчала она, – а по-моему, местами она совсем глупа. Пошлю ее за чем-нибудь наверх – она забудет, зачем пошла, сядет на пол, заплетет волосы и запоеет, как полоумная, а я жду внизу. В моей родне такого не было! Да и кожа у нее смуглая, как у цыганки. Тоже не в нас. Не хочу роптать на Бога, но тяжело, что у меня всего одна дочь, да и та дурная.

– Вздор! – отрезал мистер Талливер. – Здоровая черноглазая девчонка, лучше не придумаешь. Читает не хуже пастора – не понимаю, в чем она отстает.

– Волосы у нее не выются, что я ни делаю! И бесится, когда накручиваю на бумажки, не заставишь стоять смирно, чтобы прогреть щипцами.

– Так постриги ее под гребенку! – вспыхнул отец.

– Да как ты можешь такое говорить?! Ей уже десять лет, высокая не по возрасту – нельзя же просто ее обстричь! У ее кузины Люси локоны хоть куда, каждый волосок на месте. Право, завидно, что у моей сестры Дин такой красивый ребенок! Порой кажется, Люси больше похожа на меня, чем моя собственная дочь... Ох, Мэгги, Мэгги! – позвала мать не то ласково, не то сердито, когда малолетняя ошибка природы вошла в комнату. – Сколько раз говорить, чтобы ты не подходила к воде? Упадешь и утонешь, а потом пожалеешь, что не слушалась!

Мэгги скинула шляпку, и вид ее волос лишь подтвердил материнские жалобы. Желая, чтобы у дочери были кудри, как у других детей, миссис Талливер слишком коротко подстригла челку, и теперь волосы торчали во все стороны, не желая укладываться. Мэгги то и дело встряхивала головой, словно пони, чтобы тяжелые пряди не лезли в глаза.

– боже мой, Мэгги, о чем ты думаешь? Бросила шляпу! Отнеси наверх да приведи себя в порядок! Надень чистый передник, смени башмаки и садись за лоскутное одеяло, как приличная девочка.

– Мама, не хочу я шить это одеяло! – надулась Мэгги.

– Как?! Не хочешь сделать его для тетки Глегг?

– Это глупая работа! – встряхнула она гривой. – Рвать ткань на лоскуты, а потом сшивать. Да и тетке Глегг я ничего делать не стану – не люблю ее!

С этими словами Мэгги вышла, волоча шляпу за ленту, а мистер Талливер рассмеялся.

– Не понимаю, что тут смешного! – раздраженно сказала жена. – Глегг и так твердит, что я ее балую, а ты только поощряешь ее упрямство!

Миссис Талливер была женщиной доброй и кроткой. В младенчестве она плакала только от голода, и росла она здоровой, полной и немного простоватой блондинкой – можно сказать, была украшением семьи. Но кротость, как и молоко, со временем киснут, и юные желудки переваривают их с трудом.

Часто я думаю: сохраняли ли мадонны Рафаэля с их бледными лицами и чуть глуповатым выражением прежнюю кротость, когда их сыновья подрастали? Думаю, нет – их слабые упреки становились все резче, а раздражение росло, видя, что слова не действуют.

Глава III. Мистер Райли дает совет насчет школы для Тома

Джентльмен в широком белом галстуке и жабо, который так любезно пьет грог со своим добрым другом Телливером, – это сам мистер Райли, человек с восковым цветом лица, пухлыми руками, слишком хорошо воспитанный для аукциониста и оценщика, но весьма великодушный к своим простым деревенским знакомым, которых он любезно называл «людьми старой закалки».

Разговор затих. Мистер Талливер воздержался от того, чтобы в седьмой раз повторять, как ловко Райли поставил на место Дикса и как сбил спесь с Уэйкема, разрешив вопрос о плотине. Он был уверен, что споров об уровне воды в реке и вовсе не возникло бы, если бы каждый вел себя так, как положено, и не сотвори дьявол адвокатов. Мистер Талливер во всем придерживался старых взглядов, перешедших к нему от предков. Лишь в одном-двух вопросах он доверял собственному разумению и пришел к довольно сомнительным выводам – например, что крысы, хлебный червь и адвокаты – творения того же дьявола.

Но сегодня, вне всяких сомнений, добро победило: история с водяной мельницей была запутанной, хоть и казалась на первый взгляд простой как дважды два. Однако, как бы сложна она ни была, Райли с ней справился. Мистер Талли-

вер налил себе грога крепче обычного и высказывался о деловых талантах друга с откровенностью, довольно опрометчивой для человека, у которого, по слухам, на счету лежит кругленькая сумма.

Конечно, разговор о плотине можно было отложить, к ней всегда можно было вернуться. Зато был другой вопрос: мистер Талливер остро нуждался в совете Райли. Именно поэтому он сделал последний глоток и задумчиво потер колено – он не любил резко менять тему. Зачем торопиться? Если гнать телегу слишком быстро, можно опрокинуться.

– Есть у меня одна мысль, – наконец промолвил мистер Талливер, понизив голос и пристально глядя на собеседника.

– А-а? – отозвался мистер Райли.

У него были тяжелые восковые веки и всегда удивленно приподнятые брови – лицо его оставалось неизменным при любых обстоятельствах. Эта внешняя невозмутимость, а также привычка брать щепотку табака перед ответом делали его слова втрое весомее для Талливера.

– Дело деликатное, – продолжал тот. – Касается моего мальчика, Тома.

Мэгги, сидевшая на низкой скамеечке у огня с большой книгой на коленях, услышала имя брата и махнула головой, откидывая густую челку, и с интересом взглянула на отца. Мало что могло отвлечь ее от чтения, но имя Тома действовало безотказно – как самый пронзительный свист. В одно мгновение она насторожилась, сверкая глазами, словно скот-

чтерьер, чующий недоброе.

– Видите ли, я хочу отдать его в новую школу к середине лета, – пояснил мистер Талливер. – Он освободится от занятий в академии к Благовещению, и я дам ему побездельничать три месяца, но потом хочу определить его в хорошую школу, где из него сделают ученого.

– Что ж, – сказал мистер Райли, – лучшего подарка, чем хорошее образование, вы ему не сделаете. Хотя, – добавил он с учтивым намеком, – и без помощи учителей человек может стать отличным мельником, фермером и вообще дельным малым.

– Верю, – подмигнул мистер Талливер, склонив голову набок. – Но в том-то и дело. Я не хочу, чтобы Том был мельником и фермером. Не вижу в этом проку. Ведь если я его к этому подготовлю, он начнет ждать, когда я отойду от дел, и намекать, что мне пора на покой. Нет уж, посмотрелся я на таких сыновей. Зачем же раздеваться перед тем, как лечь спать. Я дам Тому образование и устрою его в дело, чтобы он мог сам свить себе гнездо, а не выталкивать меня из моего. Пусть получит его после моей смерти – не раньше. Не хочу, чтобы меня кормили с ложечки, пока у меня еще свои зубы есть.

Видно было, что мистер Талливер затронул болезную тему. Даже после этих слов он еще минуту мотал головой и ворчал: «Нет уж, нет уж», словно не в силах успокоиться. Мэгги, остро чувствующая отцовское настроение, не выдержала.

– Папа, Том никогда не будет плохо относиться к тебе! – вскричала она, вскочив со скамейки и роняя книгу. – Я знаю, что не будет!

Миссис Талливер тут же вышла проверить ужин, а сердце отца дрогнуло от нежности. Он не стал ругать дочь за книгу. Мистер Райли поднял ее и бегло просмотрел, а Талливер, смягчившись, засмеялся, потрепал Мэгги по спине и усадил на колени.

– Что, нельзя и слова плохого сказать о Томе, да? – подмигнул он дочери, а затем, понизив голос, обратился к Райли: – Она все понимает, совсем как взрослая. И читает бегло, без запинок, как будто весь текст знает наизусть. Вечно с книгой! Хотя... – тут он нахмурился, – это плохо. Женщине незачем быть такой умной – иначе выйдет боком.

Но тут гордость вновь взяла верх.

– А все же она понимает книги лучше половины взрослых!

Мэгги вспыхнула от восторга. Теперь-то мистер Райли наверняка станет уважать ее! Тот перелистывал книгу, и лицо его казалось безучастным, но вдруг он взглянул на девочку и сказал:

– Ну-ка, подойди и расскажи мне про эту книгу. Вот тут картинки – объясни, что они значат.

Мэгги, не смущаясь, подошла к нему и, встряхнув головой, ухватила за угол страницы.

– О, я расскажу! Это страшная картинка, правда? Но я

не могу оторвать от нее глаз. Эта старуха в воде – ведьма. Ее бросили в озеро, чтобы проверить: если всплывет – значит, она ведьма, а если утонет... ну, то есть умрет – значит, невиновна. Только какая ей радость быть невиновой, если она уже мертва? Разве что попадет в рай и Бог воздаст ей. А этот ужасный кузнец, который стоит, руки в боки, и смеется... Фу, какой противный! На самом деле это дьявол! – Голос Мэгги звенел от возбуждения. – Не настоящий кузнец, а дьявол в его обличье, потому что дьявол принимает вид злых людей и ходит среди нас, подстрекая на дурное. И чаще всего он выглядит как плохой человек, потому что, если бы люди видели его настоящий облик и слышали его рев, они бы убежали и он не смог бы заставить их делать то, что хочет!

Мистер Талливер изумленно слушал.

– Да что это за книга у тебя?! – наконец вырвалось у него. Он посмотрел на обложку. – «История дьявола» Даниэля Дефо, – прочел мистер Райли. – Не совсем подходящее чтение для маленькой девочки. Как она попала в вашу библиотеку, мистер Талливер?

Мэгги покраснела от обиды, а ее отец смущенно пояснил:

– Купил на распродаже у Партриджа. Все книги были в одинаковых переплетах – хороших, кстати, – и я подумал, что все они достойные. У меня еще есть «Святая жизнь и святая смерть» Джереми Тейлора¹ – я по воскресеньям ча-

¹ Джереми Тейлор (1613–1667) – английский священник, автор ряда религиозных трактатов.

сто читаю. Да и других, в основном проповеди... но у всех одинаковые обложки, вот я и решил, что они одного поля ягоды. Видно, по одежке встречать не стоит. Мир – штука загадочная.

– Что ж, – сказал мистер Райли, покровительственно хлопав Мэгги по голове, – советую тебе отложить «Историю дьявола» и взяться за что-нибудь повеселее. Разве у тебя нет других книг?

– Есть! – оживилась Мэгги, желая реабилитироваться. – Я знаю, что эта книга невеселая, но мне нравятся картинки, и я сама придумываю к ним истории. У меня еще «Басни Эзопа», книга о кенгуру и других зверях, а еще «Путешествие Пилигрима»...²

– Ах, прекрасная книга! – одобрил мистер Райли. – Лучше не найти.

– Но там тоже много про дьявола! – торжествующе воскликнула Мэгги. – Я покажу вам его изображение в настоящем виде, когда он сражается с Христианином!

Она мгновенно юркнула в угол комнаты, вскочила на стул и достала с полки потрепанный экземпляр Беньяна, который сразу раскрылся на нужной странице.

– Вот он! – Она вернулась к мистеру Райли. – Том раскрасил его для меня на прошлых каникулах – все тело черное, а глаза красные, как огонь, потому что внутри он весь из огня,

² «Путешествие Пилигрима» – книга английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688).

и он светится изнутри...

– Ну, хватит! – резко оборвал ее мистер Талливер, которому вдруг стало неловко от рассуждений о внешности столь могущественного существа, способного создавать адвокатов. – Закрой книгу и хватит болтать чепуху. Так я и думал – от книг тебе один вред. Ступай, помоги матери.

Пристыженная Мэгги захлопнула книгу, но вместо того, чтобы отправиться на поиски матери, забилась в темный угол за отцовским креслом и принялась нянчить куклу, к которой изредка, обычно в отсутствие Тома, начинала вдруг испытывать нежность; о нарядах ее она обычно не заботилась, зато запечатлевала на ней столько горячих поцелуев, что восковые щеки куклы приобрели нездоровый сероватый оттенок.

– Ну и ну, – проворчал мистер Талливер, когда Мэгги удалась. – Жаль, что она не мальчишка – задала бы всем адвокатам перцу! – Затем он добавил шепотом: – Настоящая загадка... Я ведь нарочно выбрал жену попроще – да, красивую, из хорошей семьи, но глупенькую – не хотел, чтобы она шибко умничала... А вышло наоборот: у меня глупый сын и умная дочь. Мир, ей-богу, вверх дном перевернулся.

Мистер Райли сдержанно улыбнулся, занюхал щепотку табака и сказал:

– Ну, мальчик у вас не глуп, верно? Когда я был здесь в прошлый раз, он мастерил удочки, и весьма толково.

– Да, глупым его не назовешь, – ответил мистер Талли-

вер. – Сообразительный, ловкий, хваткий. Но язык у него тяжелый, читает он плохо, книг не любит, пишет с ошибками, да и чужих дичится. Не то что эта малявка – она на язык остра. Я хочу, чтобы его научили говорить и писать бойко, сделали из него расторопного парня. Хочу, чтобы мой сын не отставал от тех, кто получил образование лучше моего. Не то чтобы я не мог постоять за себя, но в нынешние времена все так запутано, что я частенько теряюсь. Все так закрутилось, что чем прямее ты сам, тем запутаннее оно тебе кажется.

Он сделал глоток бренди, медленно проглотил и печально покачал головой, чувствуя себя живым подтверждением истины: здравому смыслу нет места в этом безумном мире.

– Вы совершенно правы, Талливер, – сказал мистер Райли. – Лучше истратить сотню-другую на образование сына, чем оставить их ему в завещании. Знаете, будь у меня сын, я старался бы сделать для него то же самое, хотя – Бог свидетель, Талливер, – у меня нет ваших капиталов, и к тому же у меня дом полон дочерей.

– Знаете ли вы школу, которая как раз подошла бы для моего Тома? – спросил мистер Талливер, не обращая внимания на печальную реплику мистера Райли о своем скудном капитале.

Мистер Райли понюхал табаку, помолчал, словно испытывая терпение мистера Талливера, и наконец сказал:

– Для человека с вашими средствами, Талливер, я знаю один превосходный вариант. Я не посоветовал бы ни одно-

му своему другу отдавать сына в обычную школу, если есть возможность выбрать что-то получше. Если вы желаете дать сыну настоящее образование и воспитание в таком месте, где он был бы скорее товарищем своему учителю, а учитель этот – первоклассный специалист... Я знаю такого человека. Я не каждому расскажу об этой возможности – не думаю, что каждому под силу ею воспользоваться, но вам-то я скажу, мистер Талливер, по секрету.

Мистер Талливер загорелся любопытством. Он испытующе сверлил взглядом лицо мистера Райли.

– Ну, я вас слушаю, – сказал он, устраиваясь в кресле с самодовольным видом человека, которого удостоили важного сообщения.

– Он выпускник Оксфордского университета, – многозначительно произнес мистер Райли и сжал губы, наблюдая за тем, какой эффект произвело на мистера Талливера это вдохновляющее обстоятельство.

– Он священник? – с сомнением переспросил мистер Талливер.

– Да, и магистр искусств. Я слышал, епископ очень высокого мнения о нем... Более того, епископ даже дал ему приход.

– Неужели? – сказал мистер Талливер, для которого все это казалось удивительным. – Но зачем ему Том?

– Как это зачем? Дело в том, что он любит учить и сам хотел бы продолжать занятия наукой, а у священника с приходом

скими обязанностями на это мало времени. Поэтому он не прочь взять одного-двух учеников, чтобы с пользой проводить свой досуг. Мальчишки будут как в родной семье – лучше и придумать нельзя, – все время под присмотром Стеллинга.

– А добавку пудинга станут давать бедному мальчонке, как вы думаете? – вмешалась миссис Талливер, к тому времени уже занявшая свое место. – Редко кто так любит пудинг, да и растет он к тому же! Даже подумать страшно, что ему, может, не придется есть досыта.

– А сколько это будет стоить? – спросил мистер Талливер, чуявший, что услуги такого удивительного магистра будут стоить недешево.

– Ну, я знаю священника, который берет полторы сотни фунтов за младших учеников, но этот человек со Стеллингом и рядом не стоит. Один человек в Оксфорде сказал о нем: «Стеллинг, если бы хотел, мог бы достичь высших ученых степеней, но университетские почести его не прельщают – он человек спокойный, шума не любит».

– Нет, неплохо, неплохо, – сказал мистер Талливер. – Но полторы сотни – цена неслыханная. Я и не думал, что придется столько платить...

– Хорошее образование, Талливер, за такую цену – это почти даром. Стеллинг очень умерен в своих требованиях, он человек нежадный. Я не сомневаюсь, что за вашего мальчишка он возьмется и за сто фунтов – за такие деньги вы другого такого священника не найдете. Хотите, я ему напишу?

Мистер Талливер задумчиво потирал колени, буравил взглядом ковер.

– А что, он холостяк? – поинтересовалась миссис Талливер, пока молчал ее муж. – А то я экономкам не доверяю. Вот у моего брата – царство ему небесное – была экономка, ну и что? Из лучшей перины она вынула половину пуха и продала. А уж сколько белья она украла – это не пересчитать! Звали ее Стот. Сердце мое не вынесет, если придется отправить Тома туда, где есть экономка, и надеюсь, вы, мистер Талливер, тоже не захотите.

– На этот счет можете быть спокойны, миссис Талливер, – сказал мистер Райли. – Стеллинг женат на славной, доброй женщине – лучшей жены и пожелать нельзя, добрее души вы не встретите: я хорошо знаю ее семью. У нее такая же светлая кожа, как у вас, и такие же светлые кудрявые волосы. Она из хорошей семьи в Медпорте, ее бы не выдали за кого попало. Да и такого жениха, как Стеллинг, не каждый день встретишь, он очень разборчив в своих знакомствах. Впрочем, я думаю, он не станет противиться, чтобы взять вашего сына. Думаю, он не откажет, если я его представлю.

– Не знаю, что он может иметь против моего мальчика, – с уязвленным материнским самолюбием сказала миссис Талливер. – Славный румяный парнишка, любо-дорого смотреть.

– Я вот о чем подумал, – сказал мистер Талливер, наконец открываясь от созерцания ковра. – Священник, может,

слишком занят духовными материями, сможет ли он сделать из моего мальчика делового человека? Я всегда думал, что священников учат таким вещам, которые руками не потрогаешь, а я для Тома хочу совсем другого... Я хочу, чтобы он знал счет, и писал как по-печатному, и быстро до всего доходил, и знал, что у людей на уме и как прикрыть мысли такими словами, за которые тебя к суду не притянут – вот это особое искусство! – заключил мистер Талливер, покачивая головой. – Сказать человеку все, что о нем думаешь, и не быть за это в ответе.

– Ах, мой дорогой Талливер! – сказал мистер Райли. – Вы совершенно ошибаетесь насчет духовенства. Все лучшие учителя – из духовных, а как раз те, что не из духовных, – так это уже совсем дрянь.

– Ну, вроде Джейкобса, у которого Том сейчас учится, он как раз такой, – вставил мистер Талливер.

– Конечно, – сказал мистер Райли, – скорее всего, это люди, потерпевшие неудачу в других делах. А вот священник – это джентльмен по профессии и образованию; кроме того, он обладает знаниями, которые помогут мальчику заложить основу и подготовиться к любой карьере, чтобы начать ее с честью. Бывают, конечно, священники, которые по сути своей просто книжники, но можете быть уверены, Стеллинг к таким не относится: человек он толковый, за ним не заржавеет, уверяю вас. Только намекните ему, и этого будет достаточно. Вот вы говорите о счете: стоит вам сказать Стеллинг-

гу: «Хочу, чтобы мой сын стал отличным арифметиком», и можете все остальное смело оставить ему.

Мистер Райли сделал паузу, а мистер Талливер, несколько успокоенный насчет «тонких духовных материй», мысленно репетировал перед воображаемым мистером Стеллингом фразу: «Хочу, чтобы мой сын знал арифметику».

– Видите ли, мой дорогой Талливер, – продолжал мистер Райли, – когда имеешь дело с по-настоящему образованным человеком, вроде Стеллинга, ему не составит труда взяться за любой предмет. Когда мастер знает, как пользоваться своими инструментами, он может сделать и дверь, и окно.

– Ай, это верно, – сказал мистер Талливер, почти убедившись, что священники и впрямь лучшие из учителей.

– Так, вот что я для вас сделаю, – сказал мистер Райли. – И заметьте, я бы не стал делать этого для кого попало. Я поговорю с тестем Стеллинга или, вернувшись в Мадпорт, напишу ему пару строк, мол, вы хотите отдать своего мальчика к его зятю. Думаю, Стеллинг вам тут же напишет и сообщит свои условия.

– Но ведь нам спешить некуда, правда? – сказала миссис Талливер. – Надеюсь, мистер Талливер, ты не позволишь Тому начать учебу до дня Иоанна Крестителя. Он ведь начал ходить в академию в марте – и вот что из этого вышло.

– Ай-ай, Бесси, если будешь варить пиво из плохого солода на Михайлов день, выйдет плохое пиво, – сказал мистер Талливер, подмигнув и улыбнувшись мистеру Райли с есте-

ственной гордостью человека, у которого жена бойкая, но заметно уступает ему умом. – Но ты права, Бесси, спешить не стоит.

– Все же не стоит слишком затягивать, – спокойно заметил мистер Райли, – ведь к Стеллингу могут обратиться и другие. Я знаю, он не возьмет больше двух-трех воспитанников, если вообще возьмет. На вашем месте я бы написал ему сразу, ведь мальчика можно будет отправить не раньше дня Иоанна Крестителя, но зато вы будете уверены, что место за вами закреплено.

– Вы правы, в этом что-то есть, – сказал мистер Талливер.

– Папа, – вдруг вмешалась Мэгги, незаметно снова подкрадываясь к отцу и слушая его с приоткрытым ртом, прижимая нос своей куклы к ножке стула, – папа, Том далеко поедет? Мы сможем его навещать?

– Не знаю, милая, – ласково сказал отец. – Спроси у мистера Райли.

Мэгги быстро обошла стол и обратилась напрямую к мистеру Райли:

– Скажите, пожалуйста, сэр, это далеко?

– О, очень-очень далеко, – ответил этот джентльмен, считавший, что всерьез с детьми следует говорить, только когда они капризничают. – Чтобы туда попасть, тебе понадобятся семимильные сапоги.

– Вздор! – воскликнула Мэгги, тряхнув головой, и, надувшись, отвернулась; на глазах у нее выступили слезы. Против-

ный этот мистер Райли... Ясно, он считает ее дурочкой и ни во что не ставит.

– Тише, Мэгги! – зашипела мать. – Как тебе не стыдно приставать с вопросами и болтать! Садись на свой стульчик и молчи. – Но вдруг в ней и самой проснулось беспокойство. – Неужели это так далеко, что я не смогу обстирывать его и чинить ему платье?

– Всего-то миль пятнадцать, – ответил мистер Райли. – Можно ездить туда и обратно за день. Или же – Стеллинг человек гостеприимный, радушный – он будет рад принять вас у себя.

– Да уж, для одного белья, пожалуй, далековато, – грустно сказала миссис Талливер.

Появление ужина как нельзя кстати прервало этот затруднительный разговор и избавило мистера Райли от необходимости искать решение или компромисс – труд, который он, впрочем, охотно бы взял на себя; ведь он был человеком весьма обходительным. К тому же, нужно признать, он действительно потрудился, чтобы порекомендовать мистера Стеллинга своему другу Талливеру, не рассчитывая на какую-либо личную выгоду, несмотря на те тонкие намеки, что могли бы ввести в заблуждение слишком проницательного наблюдателя. Ведь ничто не сбивает с толку сильнее, чем излишняя проницательность, если она пошла по ложному следу, а проницательность, убежденная, что люди всегда действуют из явных и осознанных побуждений, только зря рас-

трачивает силы на вымышленные цели.

Корыстные замыслы и продуманные интриги ради выгоды – явления, чаще встречающиеся в пьесах, чем в реальной жизни: слишком уж большого умственного напряжения они требуют, чтобы быть массовым грехом. Нам ведь совсем не трудно испортить жизнь ближнему без всякого злого умысла: достаточно ленивого согласия или ленивого бездействия, мелких неправд, для которых мы сами не знаем причины, мелких обманов, уравновешенных мелкими расточительствами, неловкой лести и неуклюжих намеков. Все мы живем сегодняшним днем, у каждого из нас есть небольшая семейка неотложных желаний, и мы только и в силах, что урвать кусочек, дабы утолить голод этого прожорливого выводка, редко задумываясь о зерне для посева или об урожае будущего года.

Мистер Райли был человеком деловым, не чуждым собственных интересов, но даже он действовал скорее под влиянием случайных побуждений, чем дальновидных расчетов. Он не имел никакой особой договоренности с преподобным Уолтером Стеллингом, напротив, знал о нем немного – пожалуй, даже недостаточно, чтобы давать такие горячие рекомендации. Но он верил, что Стеллинг – превосходный знаток латыни, ведь так сказал Гэтсби, чей двоюродный брат преподавал в Оксфорде и чье мнение в данном вопросе для него было надежнее, чем собственное. Хотя сам мистер Райли и получил в Мадпортской Открытой школе некоторое пред-

ставление об античной литературе и ему казалось, что в общих чертах он латынь понимает, разобраться в каком-нибудь латинском тексте было для него не так-то просто. Несомненно, его юношеское знакомство с «De Senectute»³ и четвертой книгой «Энеиды» оставило на нем неувольнимый отпечаток, но классический аромат ныне уже был утерян и ощущался только в изысканном слого и пафосе его речей на аукционах...

Кроме того, Стеллинг из Оксфорда, а оксфордцы... – погодите, или, наоборот, кембриджцы... – всегда славились хорошими математиками. Но человек с университетским образованием может преподавать что угодно, особенно такой, как Стеллинг, – тот, кто произнес речь на мадпортском политическом обеде и выступил так удачно, что все говорили о нем: «Зять Тимпсона – парень толковый».

А для мадпортца из прихода Святой Урсулы было естественно оказать услугу зятю такого человека, как Тимпсон, ведь Тимпсон был один из самых полезных и влиятельных людей прихода. Мистер Райли любил таких людей – не только из-за выгоды, которая иногда по их благоразумию переходила из менее достойных карманов в его собственный. Ему будет приятно, когда он вернется домой, сказать Тимпсону: «Я обеспечил вашему зятю хорошего ученика».

У Тимпсона тоже было много дочерей, и мистер Райли ему сочувствовал. Кроме того, он не мыслил себе воскрес-

³ «О старости» (лат.) – трактат Цицерона.

ной службы без Луизы Тимпсон – он так привык за пятнадцать лет видеть ее лицо и светлые локоны на фоне высокой спинки дубовой скамьи; было вполне естественно, чтобы ее муж оказался учителем, достойным всяческих похвал. К тому же у мистера Райли не было никаких оснований отдать предпочтение кому-либо другому из известных ему учителей. Почему бы в таком случае не рекомендовать Стеллинга? Его друг Талливер попросил у него совета. Откажись он его дать, это внесло бы холодок в дружескую беседу. Ну а если уж высказывать свое мнение вообще – глупо не сделать этого с таким видом, будто вы полностью убеждены в том, что говорите, и имеете для этого все основания.

Так мистер Райли, не имея причин плохо отзываться о Стеллинге и искренне желая ему добра, стоило только порекомендовать, как он тут же сам проникся восхищением к человеку, о котором говорил столь лестные вещи. И, пожалуй, если бы мистер Талливер в итоге отказался отправить Тома к Стеллингу, мистер Райли посчитал бы «старого друга» упрямым и ограниченным человеком.

Если вы осудите мистера Райли за то, что он дал рекомендацию на столь шатких основаниях, вы будете к нему слишком строги. Стоит ли от аукциониста и оценщика тридцатилетней давности, который едва помнит свою школьную латынь, требовать такой щепетильности, какую не всегда проявляют и представители ученых профессий в наше «продвинутое» время?

К тому же человек, в котором есть хоть немного человеческой доброты, едва ли удержится от доброжелательного поступка; а доброжелательность, увы, не может быть всеобщей. Природа сама иногда поселяет паразита на теле животного, которому в остальном вовсе не враждебна. И что ж? Мы восхищаемся ее заботой о паразите.

Если бы мистер Райли воздержался от рекомендации, не имея твердых доказательств, то не помог бы преподобному Стеллингу получить платного ученика, а это было бы весьма прискорбно для преподобного джентльмена. Примите также в расчет, что все эти смутные соображения – о том, что следует быть в ладу с Тимпсоном, что нехорошо отказывать в совете, когда к тебе за ним обращаются, и надо что-нибудь сказать, а если уж говоришь, то говори убедительно, и что неплохо внушить другу Талливеру еще больше уважения, – приятно щекотавшие самолюбие мистера Райли и, в сочетании с пылающим каминном, горячим грогом и кое-какими другими неуловимыми ингредиентами, определившие позицию, которую он занял в этом вопросе, так и остались бы в тайне.

Глава IV. В ожидании Тома

Для Мэгги было большим огорчением, что ей не позволили поехать с отцом, чтобы забрать Тома из академии. Но, по словам миссис Талливер, утро выдалось слишком дождливым, чтобы маленькая девочка выходила из дому в своем лучшем чепце. Мэгги была решительно не согласна, и в тот самый момент, когда мать расчесывала ее непокорные черные пряди, девочка вдруг выскользнула из-под ее рук и, в порыве обиды, окунула голову в стоявший рядом таз с водой – просто из упрямства, чтобы уж наверняка никаких кудрей в этот день не было.

– Ах, Мэгги! – воскликнула миссис Талливер, тяжело опускаясь на стул и бросая расчески на колени. – Что же из тебя выйдет, если ты такая непослушная? Вот приедут твои тетушки Глеэг и Пуллит, я им все расскажу, и они больше не будут тебя любить. Ах ты, Господи! Глянь-ка, весь передничек мокрый! Люди скажут, что это наказание мне за такого ребенка, подумают, будто я согрешила.

Миссис Талливер все причитала, а Мэгги уже не слышала ни слова – она выбежала из комнаты и направилась на чердак, под старую высокую крышу, постоянно встряхивая мокрыми волосами, словно маленький терьер, вырвавшийся из купальни. Этот чердак был ее любимым убежищем в дождливые дни, только если не было слишком холодно. Здесь она

переживала свои обиды, разговаривала вслух с червивыми половицами, с полками, изъеденными временем, и с темными балками, увитыми паутиной. Здесь же она держала своего идола – куклу, на которую изливала весь свой гнев и досаду. Это было туловище большой деревянной куклы, когда-то с круглыми глазами и ярко-красными щечками, но в результате долгой службы в качестве козла отпущения совершенно потеряло свое обличье. Три гвоздя, вбитые в голову, отмечали три великие драмы в девятилетней жизни Мэгги – такую ужасную месть подсказала ей картинка в старой Библии, где Иаиль умерщвляет Сисара⁴. Последний гвоздь она вбила особенно яростно, потому что на сей раз кукла олицетворяла тетю ГлеGG. Но вскоре Мэгги подумала, что если она вобьет слишком много гвоздей, то больше не сможет представлять, будто кукле больно, когда она стукнет ее о стену, и не сможет «лечить» ее и «прикладывать припарки», когда злость пройдет, – даже тетушка ГлеGG может вызвать жалость, если предварительно наказать ее как следует и заставить просить у племянницы прощения. С тех пор Мэгги гвоздей больше не вбивала, а утешалась тем, что попеременно била деревянной головой о шершавый кирпич одной из двух больших труб, подпиравших крышу. Этим она и занялась, добежав до чердака, рыдая так сильно, что не помнила больше, из-за чего все началось.

⁴ Согласно библейской легенде, Иаиль закрыла Сисара, скрывающегося от преследования в ее шатре, ковром, а затем вбила ему в голову деревянный гвоздь.

Когда рыдания и удары стали стихать, солнечный луч вдруг пробился сквозь проволочную решетку и упал на червивые полки. Мэгги бросила куклу и подбежала к окну. Солнце и вправду выглянуло, звон мельницы вновь зазвучал весело. Двери амбара были распахнуты, а по двору бегал Яп – забавный бело-коричневый терьер с загнутым ухом, обнюхивая все подряд, будто искал себе товарища. Устоять было невозможно. Мэгги откинула волосы назад и, слетев вниз по лестнице, схватила чепец, не надевая его, выглянула и, боясь встретить мать, стрелой пронеслась по коридору. Через минуту она уже крутилась посреди двора, как вдохновенная жрица, распевая:

– Яп, Яп, Том едет домой!

А Яп прыгал и лаял вокруг нее, словно уверяя: «Если уж нужен шум, так лучше меня никого не сыщешь».

– Эх, барышня, закружитесь и шлепнетесь в грязь, – сказал Люк, главный мельник, высокий плечистый мужчина лет сорока, с черными глазами и волосами, слегка припорошенный мукой, будто цветком аурикулы.

Мэгги остановилась, пошатываясь от кружения:

– Нет, Люк, я не упаду! Можно мне пойти с тобой на мельницу?

Мэгги любила бродить по просторным помещениям мельницы и нередко выходила оттуда с волосами, припудренными белой мукой, отчего ее темные глаза сверкали еще ярче. Неумолимый шум, вечное движение тяжелых жерновов

внушали ей сладостный трепет, как перед некой непостижимой силой. Бесконечный поток муки, мягкий белый налет, покрывавший все поверхности, даже паутину, превращая ее в кружевную сказку, – все это делало мельницу особым миром, не похожим на повседневную жизнь. Паучки особенно занимали ее мысли: она размышляла, есть ли у них родственники за пределами мельницы – ведь тогда их встречи, наверное, были бы затруднительны. Каково, должно быть, жирному, мучнистому пауку есть муху без мучной пудры за столом у своего кузена! И как, должно быть, ужаснулись бы дамы-пауки, увидев друг друга.

Но больше всего Мэгги любила верхний этаж – зернохранилище, где громоздились огромные кучи зерна, по которым она могла съезжать вниз и подниматься вновь, словно на горку. Она часто предавалась этому занятию, болтая с Люком, желая, чтобы он тоже считал ее умной, как и отец.

Возможно, сегодня ей особенно хотелось вернуть свое доброе имя в его глазах, потому что, сидя на куче зерна, по которой она каталась, она крикнула сквозь гул мельницы:

– Люк, ты ведь, наверное, ничего, кроме Библии, не читаешь, правда?

– Ай, барышня, да и Библию-то не слишком, – признался Люк. – Я не чтец, нет-с.

– А если бы я дала тебе почитать одну из моих книжек? У меня нет особо красивых, простых для чтения, но есть «Путешествие Пага по Европе» – там рассказывается про разные

народы. А если чтение будет трудно, то картинки помогут: они показывают, как выглядят люди и чем занимаются. Там есть голландцы – толстые, с трубками, один сидит на бочке.

– Эх, барышня, не по мне голландцы, – сказал Люк. – Никакой пользы в том, чтоб про них знать.

– Но ведь они наши братья по человечеству, Люк; мы должны знать о наших ближних.

– Не слишком-то они ближние, барышня. Старый мой хозяин, умный был человек, говорил: «Если я посею пшеницу, не просолив ее, считай, что я голландец». А это, стало быть, то же самое, что сказать – дурак. Нет, нет, не стану я забивать себе голову голландцами. Глупцов и без них хватает, и про них в книгах не нужно читать.

– Ну, ладно, – сказала Мэгги, немного растерявшись от решительности Люка, – тогда, может, тебе больше понравится «Живая природа» – там не про голландцев, а про слонов, кенгуру, мангуста, луну-рыбу и еще одну птицу, что сидит на хвосте, – забыла, как называется. Есть целые страны, где водятся только такие звери вместо лошадей и коров. Разве тебе не хотелось бы про них узнать, Люк?

– Эх, барышня, мне надо счет вести муке да зерну, а не всем этим заморским тварям. Кто за всем сразу пытается угнаться, тому и в петлю попасть недолго, – сказал Люк. – Все, что в книгах, в основном враки; как те листки, что мужики по улицам раздают.

– Ты прямо как мой брат Том, – сказала Мэгги, стараясь

перевести разговор. – Том тоже не любит читать. А я так люблю Тома, Люк, больше всех на свете! Когда он вырастет, я буду вести его хозяйство, и мы всегда будем жить вместе. Я расскажу ему все, чего он не знает. Но он, я думаю, все равно умный, хоть и не любит книги – он ведь замечательно вьет бичи и мастерит клетки для кроликов.

– А, – сказал Люк, – так он сильно расстроится, как узнает, что кролики подошли.

– Подошли?! – вскрикнула Мэгги, вскочив с кучи зерна. – О, Люк! И длинноухий, и пестрая самка, на которую Том истратил все свои деньги?

– Мертвые, как кроты, – отозвался Люк. Это сравнение было явно подсказано прибитыми к стене конюшни зверьками, чей земной путь уже явно был окончен.

– Ах, Люк, – жалобно произнесла Мэгги, и крупные слезы покатались по ее щекам. – Том велел мне заботиться о них, а я и забыла! Что же мне теперь делать?

– Ну, барышня, видите ли, они были в том дальнем сарае, и некому было о них вспомнить. Полагаю, мистер Том поручил Гарри их кормить, а на Гарри рассчитывать нельзя – тот еще лентяй. Ничего, кроме собственного брюха, не помнит – чтоб его хоть схватило, – проворчал Люк.

– О, Люк, Том сказал, чтоб я помнила о кроликах каждый день... Но как же я могла, если они совсем вылетели у меня из головы! Ах, он рассердится, я знаю, рассердится и будет так жалеть своих кроликов! И я тоже жалею... Что же мне

делать?

– Не горюйте, барышня, – сказал Люк успокаивающе. – Эти длинноухие – выродки, все равно бы подошли, корми их хоть досыта. Все, что не по природе, жить не будет: Господу Богу не угодно. Он создал кроликов с ушами прижатыми, а когда их делают висячими, как у пса, – это против воли Божьей. Мистер Том теперь будет умнее и таких больше не купит. Не горюйте. Хотите, пойдём ко мне домой, к жене? Я как раз туда направляюсь.

Это приглашение отвлекло Мэгги от горя, и, шагая рядом с Люком, она постепенно перестала плакать. К домику мельника, стоявшему в конце мельничного поля, под яблонями и грушами, с аккуратным свинарником сбоку, она пришла уже веселой. Миссис Моггс, жена Люка, была очень приятной: она всегда угощала гостей хлебом с патокой и имела целую коллекцию картин. Мэгги, стоя на стуле перед рядом совершенно удивительных картин, совсем забыла, что утром была грустна – «Блудный сын» был изображен в наряде сэра Чарльза Грандисона⁵, только без парика, как и подобает человеку с испорченной репутацией. Но тяжелое чувство вины из-за мертвых кроликов заставило Мэгги особенно жалеть этого слабого молодого человека, особенно на той картине, где он, опершись на дерево, стоял в жалком виде, с расстегнутыми бриджами и перекошенным париком, а веселые сви-

⁵ Чарльз Грандисон – герой романа английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689–1761).

ны, явно иностранной породы, словно насмехались над ним своим сытым довольством.

– Я очень рада, что отец его потом простил, а ты, Люк? – сказала Мэгги. – Ведь он очень раскаивался и больше не стал бы делать дурного.

– Эх, барышня, – ответил Люк, – толку из него все равно бы не вышло, что бы отец ни делал.

Эта мысль была болезненной для Мэгги, и она очень сокрушалась, что ничего не знает о дальнейшей судьбе этого молодого человека.

Глава V. Том возвращается домой

Том должен был приехать к полудню, и, когда наконец должен был раздаваться стук колес, волновалось не только сердце Мэгги – миссис Талливер тоже была в смятении. Если она и испытывала какое-то сильное чувство, так это любовь к сыну.

Наконец послышался знакомый легкий перестук. Несмотря на ветер, который гнал облака и безжалостно трепал локоны и ленточки на чепце, миссис Талливер выбежала за дверь и даже положила руку на голову Мэгги, забыв все утренние огорчения.

– Вот он, мой милый мальчик! Но, Господи помилуй! – воскликнула она. – Да на нем и воротника нет! Потерял по дороге, держу пари, испортил весь костюм!

Миссис Талливер стояла с распростертыми руками. Мэгги подпрыгивала то на одной, то на другой ноге, пока Том не спрыгнул с подножки и не сказал с мальчишеской сдержанностью, не допускавшей нежных чувств:

– Привет! Яп... а, вот ты где!

Однако он охотно позволил себя поцеловать, хоть Мэгги и повисла у него на шее, чуть ли не душа его, а его серо-голубые глаза уже блуждали по лугу – туда, к ягням и к реке, где он собирался начать рыбалку с самого утра.

Он был одним из тех мальчиков, что растут повсюду в Ан-

глии, и в двенадцать-тринадцать лет они похожи друг на друга, как гусята: светло-русые волосы, щеки цвета сливок и роз, полные губы, неопределенный нос и брови – лицо, в котором нельзя различить ничего, кроме самой сущности мальчишества, совсем не такое, как у бедной Мэгги, чьи черты природа словно вылепила с самой решительной намеренностью. Но природа хитра, она скрывает свои замыслы под видом простоты, и простодушным людям кажется, будто они видят ее насквозь, – а она тем временем готовит опровержение их уверенных пророчеств. Под этими заурядными мальчишечьими лицами, которые она, кажется, выпускает десятками, скрываются самые упрямые и несгибаемые натуры, характеры, неподвластные изменению, и бурная, темноглазая, непокорная девочка может оказаться куда покорнее этого розово-белого мальчишки с невыразительными чертами.

Когда мать ушла разбирать его чемодан, а Том согрелся в комнате после долгой дороги, он наконец заговорил с Мэгги доверительно, увлекая ее в угол.

– Знаешь, что у меня в карманах? – сказал он, кивая в такт словам, чтобы возбудить ее любопытство.

– Нет, – ответила Мэгги. – Какие у тебя тяжелые карманы, Том! Это стеклянные шарики или орешки?

Сердце Мэгги упало: Том всегда говорил, что играть с ней в шарики «нет толку» – она все делает не так.

– Шарики? Нет. Я все променял у ребят, а орешки – ерунда, пока они зеленые. Смотри сюда! – Он наполовину вытя-

нул что-то из правого кармана.

– Что это? – прошептала Мэгги. – Вижу только кусочек чего-то желтого.

– А вот угадай!

– Не могу я, Том, скажи скорее! – нетерпеливо сказала она.

– Не горячись, а то не скажу, – ответил Том, решительно засовывая руку обратно в карман.

– Нет, Том, – умоляюще сказала Мэгги, хватая его за руку. – Я не горячусь, правда, Том. Просто терпеть не могу угадывать. Пожалуйста, не сердись.

Рука Тома медленно расслабилась.

– Ну ладно, – сказал он, – это новые удочки – две, понимаешь? Одна для тебя, Мэгги, твоя собственная. Я не стал покупать ни ирисок, ни пряников, чтобы сберечь деньги. Гибсон и Споунсер даже подрались со мной из-за этого. Вот, смотри – крючки! Ну скажи, пойдем завтра к Круглому пруду? Ты сама поймаешь рыбу, сама насадишь червяка, все сама! Разве не здорово?

Ответом Мэгги было то, что она обвила его руками и прижалась щекой к его лицу, молча, а он медленно разматывал леску и сказал наконец:

– Ну что, разве я не хороший брат – купил тебе удочку? Ведь мог бы и не покупать, если бы не захотел.

– Да, ты очень, очень хороший! Я так тебя люблю, Том!

Том спрятал леску обратно в карман и начал разглядывать

крючки один за другим.

– А ребята дрались со мной, потому что я не уступил им ириску, – добавил он.

– Ах, Том, как жаль, что вы деретесь в школе! Тебе не больно было?

– Мне? Нет, – сказал Том, убирая крючки и доставая большой перочинный нож. Он медленно раскрыл длинное лезвие, разглядывая его задумчиво и проводя по нему пальцем. – Споунсеру я, конечно, подбил глаз. Сам виноват – не стоило на меня лезть: я не стану делиться только потому, что кто-то грозит побоями.

– Ах, какой ты храбрый, Том! Ты прямо как Самсон. Вот если бы на меня вдруг бросился лев, ты бы стал с ним драться, правда?

– Где тебе взять льва, глупенькая? Львы только в зверинцах бывают.

– Нет, но если бы мы жили в тех странах, где львы водятся, – в Африке, там, где жарко; они ведь там едят людей! Я тебе покажу в книжке, где я читала.

– Ну, тогда я бы взял ружье и застрелил его.

– А если бы у тебя не было ружья? Мы могли бы пойти гулять или на рыбалку, а из-за куста вдруг выбежал бы лев – огромный, ревущий, и нам некуда было бы бежать. Что бы ты сделал, Том?

Том помолчал и наконец, презрительно отвернувшись, сказал:

– Но ведь льва нет. Что толку болтать?

– Но мне нравится воображать, – сказала Мэгги, следуя за ним. – Ну подумай, что бы ты сделал?

– Не надо приставать, Мэгги! Глупости. Я пойду посмотрю своих кроликов.

Сердце Мэгги дрогнуло от страха. Она не посмела сказать правду сразу, а пошла за Томом, молча дрожа, ломая голову, как бы рассказать ему новость так, чтобы смягчить его горе и гнев. Ведь больше всего Мэгги боялась именно Тома в гневе – он сердился совсем не так, как она.

– Том, – робко начала она, когда они вышли во двор, – сколько денег ты дал за своих кроликов?

– Две полкроны и шестипенсовик, – ответил он сразу.

– У меня в стальном кошельке наверху, наверно, больше денег, чем это. Я попрошу маму, и она тебе даст.

– Зачем? – спросил Том. – Мне не нужны твои деньги, глупая. У меня и так больше, чем у тебя, я ведь мальчик. Мне всегда дарят полсуверена или суверен на Рождество, потому что я буду мужчиной, а тебе – пятишиллинговые монеты, потому что ты девчонка.

– Ну, а если мама разрешит, я все равно отдам тебе две полкроны и шестипенсовик, чтобы ты купил новых кроликов, – сказала Мэгги.

– Новых кроликов? Мне больше не нужно.

– Ах, Том... они все умерли.

Том остановился как вкопанный и обернулся к Мэгги.

– Значит, ты забыла их покормить? И Гарри забыл? – сказал он, лицо его вспыхнуло, но тут же побледнело. – Ну я задам Гарри! Я добьюсь, чтобы его выгнали. И не люблю я тебя, Мэгги. Завтра на рыбалку ты со мной не пойдешь. Я велел тебе навещать кроликов каждый день.

Он зашагал дальше.

– Да, я забыла... но не нарочно, Том! Мне так, так жаль, – сказала Мэгги, и слезы полились ручьем.

– Ты плохая девочка, – строго сказал Том. – И зря я купил тебе удочку. Не люблю я тебя.

– О, Том, как это жестоко! – всхлипывала Мэгги. – Я бы простила тебя, если бы ты что-нибудь забыл, мне было бы все равно – я бы простила и любила.

– Да ты просто глупая, – сказал Том. – А я ничего не забываю, никогда.

– Прости меня, Том, прошу тебя, у меня сердце разорвется. – Мэгги дрожала от рыданий, вцепилась в его руку и прижалась мокрой щекой к его плечу.

Том оттолкнул ее и, остановившись, заговорил тоном, не допускающим возражений:

– Теперь слушай, Мэгги. Разве я тебе не хороший брат?

– Да-а... – всхлипывала Мэгги.

– Разве я не думал о твоей удочке всю четверть, не копил деньги, не отказывался от сладостей, хоть Споунсер и дрался со мной из-за этого?

– Да... и я... я тебя люблю, Том!

– Но ты все равно плохая девочка. В прошлые каникулы ты слизала краску с моей коробочки от пастилок, а до того – не уследила за моей лодкой, и она утащила мою леску, а еще ты проткнула головой моего воздушного змея – ни за что.

– Я не хотела, – сказала Мэгги. – Это вышло нечаянно.

– Хотела бы – не сделала бы, – сказал Том. – И за это ты завтра со мной не пойдешь.

Бросив эти страшные слова, он побежал к мельнице, решив пожаловаться Люку на Гарри.

Мэгги стояла неподвижно, лишь плечи ее вздрагивали от рыданий. Потом она повернулась и бросилась домой, на чердак, где села на пол, прислонилась головой к червивой полке и ощутила всю тяжесть своего несчастья. Том наконец приехал домой – она мечтала, как будет счастлива... и вот теперь он жесток к ней. Что ей теперь все остальное, если Том ее не любит? Ах, какой он жестокий! Ведь она хотела отдать ему деньги, говорила, как ей жаль... Да, с матерью она бывает непослушна, но Тому она никогда, никогда не хотела сделать зла!

– Ах, какой он жестокий! – всхлипывала Мэгги, находя мрачное утешение в гулком эхе, бродившем под стропилами.

Бить или терзать свою куклу она теперь не могла – она была слишком несчастна, чтобы сердиться.

Ах, эти горькие детские скорби, когда сама печаль нова и странна, когда надежда еще не обрела крыльев, чтобы перелетать через дни и недели, и промежутки от лета до лета

кажется безмерным!

Мэгги вскоре показалось, что она просидела на чердаке целые часы: уже, наверно, пора к чаю, и все сидят за столом, а про нее и не вспоминают. Что ж, она останется здесь навсегда, умрет с голоду... спрячется за кадкой и просидит всю ночь – вот тогда все перепугаются и Том пожалеет.

Так думала Мэгги, полная гордого отчаяния, отползая за кадку; но вскоре снова заплакала – при мысли, что никому нет дела до того, где она. А если бы она теперь пошла вниз – простил бы ее Том? Может быть, отец там и он вступился бы за нее. Но нет, она хочет, чтобы простил сам Том – потому что любит, а не потому, что ему велят. Нет, она не спустится, если он сам не придет за ней.

Пять мрачных минут она выдержала это решение, прячась за кадкой, но потом сильнейшая черта ее натуры – жажда любви – взяла верх над гордостью. Она выбралась из-за кадки в сумерки чердака и тут услышала быстрые шаги на лестнице.

Том, занятый разговором с Люком, осмотром двора, бесцельным брожением туда-сюда и строганием прутьев (чем в школе заниматься не приходилось), давно забыл о Мэгги и о действии своего гнева. Он считал наказание исполненным и занялся другими делами – как практичный человек.

Но за чаем отец спросил:

– А где же девчонка?

И миссис Талливер почти одновременно сказала:

– А где твоя сестренка? – Ведь оба думали, что Том и Мэгги были все время вместе.

– Не знаю, – ответил Том. Он не хотел «доносить» на сестру, хоть и злился на нее: Том Талливер был мальчишка честный.

– Как? – удивился отец. – Не играла с тобой? Она ведь только о тебе и думала!

– Не видел ее уже два часа, – сказал Том и откусил кусок сливового пирога.

– Господи боже! Да она утонула! – вскрикнула миссис Талливер, вскочив и бросившись к окну. – Как ты допустил?! – прибавила она, не зная, кого и в чем обвиняет.

– Да ну, не утонула, – сказал мистер Талливер. – Ты, поди, обидел ее, Том?

– Я? Нет, папа, – возмутился Том. – Думаю, она где-нибудь в доме.

– Наверное, на чердаке, – сказала миссис Талливер, – поет там и болтает сама с собой, забыла про все на свете.

– Пойди приведи ее, Том, – сказал мистер Талливер довольно резко: то ли от отцовской догадки, то ли от нежности к Мэгги ему подумалось, что сын был к «малышке» слишком суров, иначе она бы не убежала. – И будь с ней добр, слышишь? А то я тебя проучу.

Том никогда не слушивался отца – мистер Талливер был человек властный и, как говорил сам, никому не позволял «отобрать у него кнут». Но вышел он недовольно, держа ку-

сок пирога, не собираясь, однако, отменять сестринское наказание – ведь она его заслужила.

Тому было всего тринадцать, и он не имел твердых представлений о грамматике и арифметике, но в одном был абсолютно уверен: нужно наказывать всех, кто виноват. Да он и сам не возражал бы против наказания – если бы заслужил. Но ведь он никогда не заслуживал!

Вот чьи шаги услышала Мэгги на лестнице, когда любовь пересилила гордость и она уже сама шла вниз с заплаканными глазами и растрепанными волосами – просить прощения. Отец, наверно, погладит ее по голове и скажет: «Ну, ничего, девочка».

Ах, велика сила этой жажды любви, этого голода сердца – такая же неумолимая, как голод телесный, которым природа заставляет нас покориться ее законам.

Но она узнала шаги Тома – и сердце ее забилося сильнее от внезапной надежды.

Он лишь остановился наверху и сказал:

– Мэгги, спускайся.

Но она бросилась к нему, обвила его шею и, всхлипывая, прошептала:

– О, Том, прости меня! Я не могу так... я всегда буду хорошей, всегда буду помнить! Люблю тебя... пожалуйста, дорогой Том!

Мы учимся сдерживать себя, когда становимся старше. Мы держимся в стороне после ссоры, выражаемся в учтивых

оборотах и таким образом сохраняем достойное отчуждение – проявляя стойкость, с одной стороны, и заглатывая немало горечи – с другой. Мы уже не ведем себя с безудержной порывистостью, свойственной животным, но во всем поступаем как члены высокоцивилизованного общества.

Мэгги и Том были еще очень похожи на юных зверьков, и потому она могла прижаться щекой к его щеке, поцеловать его в ухо, всхлипывая и путаясь в словах, а в мальчишке жили нежные струны, привыкшие отзываться на ласку Мэгги, и он вел себя с той мягкостью, что вовсе не вязалась с его прежней решимостью наказать сестру как следует. Он даже стал целовать ее в ответ и говорил:

– Ну не плачь, Мэгси... Вот, съешь кусочек пирога.

Слезы Мэгги начали утихать. Она потянулась к пирогу, откусила кусочек, потом Том откусил другой – за компанию, и они ели вместе, прижимаясь щеками, лбами и носами друг к другу, похожие, к своему унижению, на двух дружелюбных пони.

– Пойдем, Мэгси, пора пить чай, – сказал наконец Том, когда от пирога не осталось ничего, кроме того, что было внизу, на столе.

Так и закончились печали этого дня. А на следующее утро Мэгги весело трусила рядом с Томом, держа в одной руке свою собственную удочку, а в другой – ручку корзины. Она неизменно наступала в самые грязные лужи и сияла из-под своего бобрового капора темным, радостным светом – ведь

Том был к ней добр.

Правда, она все же попросила Тома насаживать червей на крючок вместо нее, хотя поверила ему на слово, когда он уверил, что черви не чувствуют боли (Том про себя считал, что даже если и чувствуют, то это неважно). Он все знал – и про червей, и про рыбу, и про птиц, что шkodят в саду, и как открываются замки, и в какую сторону надо поднимать засовы на воротах. Мэгги казалось, что все это знание – чудесное и трудное, куда труднее, чем помнить, что написано в книгах, и она невольно благоговела перед превосходством Тома, ведь он был единственный, кто называл ее знания «вздором» и ничуть не удивлялся ее сообразительности.

Том же, напротив, считал Мэгги глупенькой: все девочки были глупы – не могли бросить камень так, чтобы попасть в цель, не умели обращаться с перочинным ножом и боялись лягушек. И все-таки он очень любил сестру и всегда заботился о ней, и даже собирался сделать ее управляющей своим хозяйством.

Они шли к Круглому пруду – тому самому чудесному пруду, что образовался когда-то во время паводков. Никто не знал, насколько он глубок, и было загадкой, как получилось, что берега у него почти ровно круглые, обрамленные ивами и высокими тростниками, так что вода виднелась, только если подойти совсем близко. Вид старого любимого места всегда поднимал Тому настроение, и он говорил с Мэгги самым дружелюбным шепотом, пока раскрывал драгоценную кор-

зинку и готовил снасти. Он забросил леску для нее и вложил удочку в ее руку. Мэгги подумала, что мелкая рыбка, верно, приплывет к ее крючку, а крупная – к Тому. Но вскоре забыла о рыбе и задумчиво смотрела на гладкую воду, когда Том, возбужденно шепнув: «Смотри, смотри, Мэгги!» – подбежал, чтобы помочь ей.

Мэгги испугалась, что опять сделала что-то не так, как всегда, но вскоре Том дернул ее удочку и вытащил леску, на траву со шлепком упала большая линь.

Том был в восторге:

– Ах ты, Мэгси, маленькая утка! Освободи корзинку!

Мэгги не чувствовала, будто совершила что-то особенное, но этого и не требовалось – Том называл ее Мэгси и был ею доволен. Ничто не омрачало ее счастья в эти часы, полные шепота и тихих звуков, когда из воды слышались легкие всплески рыбы, а ивы и тростники шелестели, словно и у них были свои радостные голоса. Мэгги подумала, что на небе хорошо было бы вот так сидеть у пруда и чтобы никто никогда не бранил. Она никогда не замечала, что у нее клюет, пока Том не говорил об этом, но рыбалка все равно казалась ей дивным занятием.

То было одно из их счастливых утр. Они шагали рядом и сидели вместе, не думая, что жизнь когда-нибудь изменится – разве что они вырастут, перестанут ходить в школу, а все остальное останется прежним. Они всегда будут жить вместе и любить друг друга.

Эта мельница с ее нескончаемым гулом, большой каштан, под которым они строили «домики», их собственная речка Реппл, где берега были родными и Том вечно высматривал водяных крыс, пока Мэгги собирала пушистые пурпурные метелки тростника и потом забывала их, и, больше всего, великая река Флосс, вдоль которой они бродили, словно путешествуя, чтобы увидеть стремительный прилив – грозный Эйгр, что надвигался, как голодный зверь, или огромное ясеневое дерево, некогда стонувшее, будто человек, – все это, казалось, навсегда останется прежним.

Том думал, что людям не повезло жить где-то еще на земле, а Мэгги, читая о том, как Христиана⁶ переходила «реку, над которой нет моста», всегда видела перед собой Флосс между зелеными лугами у Великого ясеня.

Конечно, жизнь изменилась для Тома и Мэгги, и все же они не ошибались, веря, что мысли и чувства тех первых лет навсегда останутся частью их жизни. Мы не смогли бы так любить землю, если бы не провели на ней детства – если бы это не была та же земля, где каждую весну вновь поднимаются те же цветы, что мы когда-то собирали своими крошечными пальцами, лепеча себе под нос, где осенью на живых изгородях висят те же ягоды шиповника и боярышника, где по-прежнему поют те же малиновки, которых мы называли «Божьими пташками», потому что они не вредили посевам. Какая новизна сравнится с этим сладостным однообразием,

⁶ Христиана – персонаж книги Беньяна «Путь паломника».

где все знакомо и любимо за то, что знакомо?

Вот этот лес, по которому я иду в мягкий майский день под молодой желто-бурой листвой дубов, меж которой проглядывает синее небо, вот белые звездчатые цветы, синеглазый вероника и плющ у моих ног – какой тропический рай, какие диковинные папоротники или роскошные цветы могли бы тронуть во мне такие тонкие и глубокие струны, как этот родной пейзаж? Эти знакомые цветы, эти памятные голоса птиц, это небо с переменчивым светом, эти бороздчатые, травянистые поля, каждое со своей особой «личностью», что придают им прихотливые изгороди, – все это и есть материнский язык нашего воображения, язык, насыщенный теми тонкими, неразрывными ассоциациями, что оставили после себя мимолетные часы нашего детства. Радость от солнечного света на густой траве сегодня была бы всего лишь слабым откликом усталой души, если бы в нас не жило воспоминание о том солнечном свете и о той траве, что мы знали в далекие годы, – и если бы они не превращали это восприятие в любовь.

Глава VI. В которой ожидают тетушек и дядюшек

Стояла Пасхальная неделя, и сырники миссис Талливер удались на диво легкие. «Ветерок бы подул – так и разлетелись бы, как перышки», – говорила горничная Кезия, гордая тем, что служит у хозяйки, способной печь такие чудеса. Так что ни время, ни обстоятельства не могли бы быть благоприятнее для семейного собрания – даже если бы не требовалось посоветоваться с сестрами Глеэг и Пуллит насчет того, куда отдать Тома учиться.

– Я бы, пожалуй, в этот раз не звала сестру Дин, – сказала миссис Талливер, – она ведь завистлива и всегда норовит очернить моих бедных детей перед тетушками и дядюшками.

– Да зови уж, – сказал мистер Талливер. – Я с ней теперь и словом не перемолвлюсь, полгода не видались. Что нам до того, что она наговорит? Моим детям не нужно кланяться никому.

– Так вы, мистер Талливер, всегда говорите, – возразила жена. – А ведь со стороны вашей родни ни одна душа – ни тетка, ни дядя – не оставит им и пяти фунтов наследства. А вот сестра Глеэг с сестрой Пуллит копят – сколько, и не сосчитать! – и проценты, и деньги от масла: мужья им все покупают.

Миссис Талливер была женщиной кроткой, но даже овца поднимает голову, когда у нее есть ягнята.

– Пф! – сказал мистер Талливер. – Когда народу за столом много и буханка нужна побольше. Ну и что толку с ваших сестриных грошей, коли племянников и племянниц с дюжину? Да и не добьется твоя сестра Дин, чтоб все досталось одной, а то ведь народ засмеет их после смерти!

– Я уж не знаю, чего она добьется, – вздохнула миссис Талливер. – Мои дети совсем не умеют себя вести со своими тетушками и дядюшками: Мэгги всегда бедокурит больше, чем в обычные дни, а Том их терпеть не может, бедняжка, – хотя для мальчика это, пожалуй, естественнее, чем для девочки. А вот Люси Дин – чудо-ребенок: посадишь на табурет, и так просидит час, не шелохнется. Невозможно не любить ее, словно она моя собственная. Да и, скажу я вам, она больше похожа на мою дочку, чем на Динину, ведь у сестры Дин всегда был такой бледный цвет лица, совсем не наш, не из семьи Додсон.

– Ну, коли тебе девочка по душе, – сказал мистер Талливер, – зови ее с отцом и матерью. А не позвать ли еще их тетку с дядюшкой Моссами и кого-нибудь из их ребят?

– Ах, господи, мистер Талливер, да ведь это будет восемь человек, не считая детей! Придется вставлять еще две доски в стол и снимать со шкафа лишнюю посуду! Да ты ведь знаешь не хуже меня, что мои сестры и твоя сестра никогда не уживаются вместе.

– Ну и делай как знаешь, Бесси, – сказал мистер Талливер, надевая шляпу и направляясь к мельнице.

Мало кто из жен был покорнее миссис Талливер во всем, что не касалось ее родни. Ведь она урожденная мисс Додсон, а Додсоны – семья уважаемая.

Про Додсонов всегда говорили, что держат они голову высоко, и никто не удивился, когда две старшие сестры вышли так удачно замуж – не слишком рано, впрочем, ибо в семье Додсон не было принято торопиться.

В этом доме существовали особые порядки во всем: особый способ отбеливать белье, особый рецепт вина из первоцветов, особый способ засолки окороков и хранения крыжовника в бутылках. И потому ни одна дочь этой семьи не могла не гордиться тем, что родилась именно Додсон, а не Гибсон или Уотсон.

Похороны у Додсонов всегда отличались безупречным порядком: траурные ленты никогда не имели голубоватого оттенка, перчатки не лопались на большом пальце, все, кому следовало, являлись в трауре, и носильщикам непременно выдавали шарфы. Когда кто-нибудь из семьи заболел или попадал в беду, все прочие собирались навестить несчастного – обычно одновременно – и не считали нужным воздерживаться от самых неприятных истин, какие подсказывало правильное семейное чувство. Если болезнь или несчастье были собственной виной страдальца, семья Додсон никогда не избегала сказать ему это напрямую.

Словом, в этом роду существовало особое предание о том, что значит «поступать как следует» – и в ведении хозяйства, и в обращении с людьми. Единственной тенью, омрачавшей это превосходство, была мучительная неспособность принять приправы или правила других семей, живших не по додсоновским правилам. Женщина из Додсонов, оказавшись «в чужом доме», всегда пила чай с сухим хлебом, отказываясь от масла и варенья: она не доверяла чужому маслу и полагала, что варенье, вероятно, перебродило – из-за недостатка сахара или кипячения. Они признавали, конечно, что некоторые Додсоны меньше похожи на прочих, но раз уж они «родня», значит, уж точно лучше тех, кто к роду не принадлежит вовсе. И примечательно, что при том ни один из Додсонов никогда не был доволен другим Додсоном, зато каждый был вполне доволен собой – и всеми Додсонами в целом.

Самый слабый член семьи, наименее самостоятельный человек, обычно является полным отражением семейных привычек и традиций, и миссис Талливер была истинной Додсон – хотя и мягкой, как слабое пиво, которое все же остается пивом, только очень разбавленным. И хотя в юности ей случалось роптать под ярмом старших сестер, а теперь еще изредка проливать слезы из-за их упреков, ей и в голову не приходило нарушать семейные устои. Она была благодарна судьбе за то, что родилась Додсон, и особенно радовалась, что хоть один из ее детей пошел в ее родню – хотя бы лицом,

цветом кожи, любовью к соленому и к фасоли (чего ни один Талливер не любил).

В остальном подлинный дух семьи Додсон лишь отчасти проявлялся в Томе: он был так же далек от привязанности к материнской родне, как и сама Мэгги. Узнав заранее, что приедут тетушки и дядюшки, он обычно исчезал на целый день, запасшись всем, что можно было унести в карманах, – это был нравственный симптом, из которого тетя Глегг делала самые мрачные выводы о его будущем. Мэгги приходилось туго: Том убегал, не посвящая ее в свои планы, ведь слабый пол – серьезное препятствие при бегстве.

В среду, накануне приезда тетушек и дядюшек, в доме стояли такие соблазнительные запахи – сливовые пироги, доходящие в печи, желе, только что снятое с огня, и аппетитный соус, – что трудно было оставаться в унынии: в воздухе чувствовалась надежда. Том и Мэгги не раз наведывались на кухню и на время отступали лишь после того, как им позволяли унести с собой немного добычи.

– Том, – сказала Мэгги, когда они устроились на ветвях бузины, поедая пирожки с повидлом, – ты сбежишь завтра?

– Нет, – ответил Том медленно, доев пирожок и поглядывая на третий, который предстояло делить пополам. – Нет, не сбегу.

– Почему? Потому что Люси приедет?

– Нет, – сказал Том, доставая перочинный нож и задумчиво наклоняя голову, прицеливаясь к пирожку. (Разделить

эту неправильную фигуру на две равные части было задачей не из легких.) – А какая мне разница, Люси? Она ведь девчонка – в хоккее играть не может.

– Тогда, может, из-за ромового пирога? – предположила Мэгги, наклоняясь вперед и следя за движением ножа.

– Глупенькая, – сказал Том, – он будет только послезавтра. А завтра – пудинг. Я знаю, какой будет пудинг и рулет с абрикосами... О-о, вот это да!

С этими словами нож опустился, и пирожок разделился надвое, но результат не удовлетворил Тома – он сомнительно разглядывал обе половинки. Наконец сказал:

– Закрой глаза, Мэгги.

– Зачем?

– Не твое дело зачем. Сказано – закрой.

Мэгги подчинилась.

– Теперь скажи, Мэгги, какую возьмешь – правую или левую?

– Ту, где повидло вытекло, – сказала Мэгги, послушно держась с закрытыми глазами.

– Да ты же ее не любишь, глупышка! Можешь взять, если выпадет по праву, но просто так я тебе не дам. Ну, выбирай – правую или левую. Ах ты! – воскликнул он сердито, когда Мэгги приоткрыла глаза. – Еще раз подглядишь – вовсе ничего не получишь!

Жертвенность Мэгги не доходила до таких пределов – впрочем, боюсь, ее не столько заботило то, чтобы Том по-

лучил лучшую часть пирожка, сколько то, чтобы он остался доволен ею и тем, что она отдала ему лучший кусок. Так что она крепко зажмурилась, пока Том не велел сказать, какую выбрать.

– Левую, – сказала она.

– Твоя взяла, – отозвался Том с некоторой горечью.

– Что, ту, где повидло вытекло?

– Нет, вот, держи, – сказал он решительно, подавая ей, несомненно, лучший кусок.

– О, пожалуйста, Том, возьми его! Мне все равно, я хочу другой. Возьми, пожалуйста.

– Нет, не возьму, – почти сердито сказал Том, принимаясь за свой, худший кусок.

Мэгги поняла, что спорить бесполезно, и тоже начала есть, с немалым аппетитом и скоростью. Но Том уже закончил и теперь смотрел, как Мэгги дожевывает последние крошки, чувствуя, что хотел съесть еще. Мэгги не замечала, что он наблюдает за ней: она покачивалась на ветке бузины, вся ушедшая в смутное удовольствие от сладкого и безделья.

– Ах ты обжора! – сказал Том, когда она проглотила последнюю крошку. Он сознавал, что поступил очень справедливо, и считал, что сестра должна бы это понять и как-то вознаградить его. Он, конечно, заранее отказался от ее кусочка, но, как известно, до и после трапезы точки зрения могут отличаться.

Мэгги побледнела:

– О, Том, почему ты не попросил?

– Я не собирался просить, обжора ты этакая. Могла бы сама догадаться, что я дал тебе лучший кусок.

– Но ведь я хотела, чтобы ты его взял, ты же знаешь, – сказала Мэгги с обидой.

– Да, только я не стану поступать нечестно, как Споунсер. Он всегда хватает лучший кусок, если его вовремя не стукнешь, а если выбирать с закрытыми глазами, то он меняет руки. А если уж я делю пополам, то честно не хочу быть жадиной.

С этим обидным намеком Том спрыгнул с ветки и швырнул камень с громким «эй!», как бы в знак дружелюбия к Япу, который все это время наблюдал за пиршеством, всем сердцем страдая от несправедливости. Однако замечательный пес принял внимание Тома с тем же усердием, словно его только что щедро угостили.

А вот Мэгги, одаренная тем превосходным даром сострадания, который отличает человека от шимпанзе, сидела на ветке, предаваясь мучительному чувству неза заслуженной обиды. Она отдала бы все на свете, лишь бы не съесть весь пирожок, а оставить хоть немного для Тома. И не то чтобы пирожок был невкусным – совсем напротив, – но она отказалась бы от него тысячу раз, только бы Том не называл ее обжорой и не сердился. Ведь он сам сказал, что не хочет, а она ела не думая – что же ей оставалось делать?

Слезы лились так обильно, что в течение десяти минут

Мэгги ничего не видела вокруг. Но вскоре обида уступила место желанию примириться. Она спрыгнула с ветки и побежала искать Тома. Его не было больше во дворе за сеновалом. Куда он мог уйти вместе с Япом? Мэгги побежала к высокому откосу у большого остролиста, откуда открывался вид на реку Флосс. Вот он, Том! Но сердце ее сжалось: Том был уже далеко, на пути к большой реке, и рядом с ним шел его спутник – озорник Боб Джейкин, тот, что нанимался гонять птиц с полей, и чаще всего он делал это не столько по обязанности, сколько из любви к пакости.

Мэгги была уверена, что Боб – мальчишка испорченный, хотя и не могла толком объяснить почему. Разве что потому, что его мать была огромная, неуклюжая женщина, жившая в странном круглом домике у реки. Когда-то Мэгги с Томом заходили туда, и оттуда выскочила пестрая собака, не перестававшая лаять, а когда мать Боба выбежала вслед за ней и закричала поверх лая, уверяя, что бояться нечего, Мэгги решила, что она их ругает, и едва не умерла от ужаса. Ей казалось, что в том круглом доме по полу могут ползать змеи, а под потолком висеть летучие мыши. Ведь однажды Боб снял шапку, чтобы показать Тому маленькую змейку, спрятанную внутри, а в другой раз принес целую горсть молодых летучих мышей. Все это делало его существом даже немного дьявольским – особенно если учесть его дружбу со змеями и летучими мышами. И, в довершение всего, когда Том был с Бобом, ему уже не было никакого дела до Мэгги – он ни за

что не позволил бы ей идти вместе с ними.

Надо признать, что Том любил общество Боба. Как могло быть иначе? Стоило Бобу увидеть птичье яйцо – он сразу знал, чье оно: ласточки, синички или овсянки. Он находил все осиные гнезда, умел ставить самые разные ловушки, лазал по деревьям, как белка, и обладал чуть ли не волшебным даром находить ежей и ласок. А еще у него хватало храбрости на проделки, довольно озорные: он продираал ходы в живых изгородях, бросал камни вслед овцам и однажды убил кошку, что бродила по чужой территории.

Такие качества у товарища, которого все равно можно было держать в подчинении, несмотря на его превосходные знания, не могли не пленить Тома. И каждые школьные каникулы Мэгги ждали дни печали: Том неизменно пропадал с Бобом.

Что ж, ничего тут не поделаешь – он опять ушел, и Мэгги не оставалось иного утешения, как сидеть у оврага или бродить вдоль изгороди, воображая, будто все совсем иначе, – перестраивая свой маленький мир так, как ей хотелось бы. У Мэгги была трудная жизнь, и так она утешала себя.

Тем временем Том, забыв и о Мэгги, и о жгучем упреке, что оставил в ее сердце, спешил вместе с Бобом, с которым они встретились случайно, на великое крысоловное действие в соседнем амбаре. Боб знал о нем все и говорил о забаве с таким воодушевлением, какое трудно себе представить тому, кто не лишен мужественных чувств или не безнадежно

невежествен в искусстве ловли крыс.

Для такого испорченного существа, подозреваемого в общении с нечистой силой, Боб был, в сущности, не так уж страшен на вид: в его курносом лице с рыжей кудрявой бородкой даже было что-то приятное. Но вот штаны у него вечно были закатаны до колен – на случай, если вдруг придется лезть в воду. Добродетель, если она и водилась в нем, была, несомненно, «добродетелью в лохмотьях» – а ей, даже по свидетельству желчных философов, считающих, что хорошо одетое достоинство ценится слишком высоко, суждено, как это ни грустно, оставаться без признания (возможно, потому, что мы с ней так редко встречаемся).

– Я знаю парня, у которого хорьки есть, – сказал Боб своим сиплым высоким голосом, шаркая по дороге и не отрывая взгляда голубых глаз от реки, словно водяное существо, готовое при случае сигануть в воду. – Он живет в Собачьем дворе, у старого Оггса. Самый главный крысолов во всей округе. Я бы лучше крысоловом был, чем кем угодно другим. Кроты – ничто по сравнению с крысами. Только вот, чтоб ловить их, нужны хорьки. Собакой не обойдешься. Вот хоть эта собака! – Боб с видом презрения показал на Япа. – От него с крысами проку не будет. Я сам видел – в сарае у твоего отца, когда крыс ловили.

Яп, почувствовав уничтожающую силу этого презрения, поджал хвост и прижался к ноге Тома. Тому стало за него немного обидно, но смелости вступить за собаку у него не

хватило.

– Нет, – сказал он, – Яп для охоты никуда не годится. Вот когда я школу окончу, заведу себе настоящих собак – для крыс и для всякой добычи.

– А ты хорьков заведи, мистер Том, – с жаром заговорил Боб. – Белых хорьков, с розовыми глазами. Уж тогда сам мог бы крыс ловить. А мог бы посадить крысу в клетку к хорьку и смотреть, как они дерутся – вот потеха! Лучше, чем когда двое мужиков дерутся, разве что это не те, что на ярмарке пироги и апельсины продавали – тогда у них все из корзин повывлетело, и пироги поломали... Но на вкус-то они такие же были, – прибавил он спустя минуту, как примечание к своему рассказу.

– Но послушай, Боб, – заметил Том с задумчивостью, – ведь хорьки кусаются. Они ведь могут укусить и без всякого повода.

– Вот в этом-то и прелесть, – сказал Боб. – Кто тронет твоего хорька, сразу поймет, что сделал глупость.

В эту минуту нечто неожиданное заставило мальчиков резко остановиться. Из камышей у берега в воду шлепнулось какое-то маленькое тело – Боб готов был поклясться, что это водяная крыса.

– Эй, Яп! – закричал Том, хлопая в ладоши, когда черная мордочка стрелой пересекла воду. – Лови ее, Яп, лови!

Яп тревожно задвигал ушами, наморщил лоб, но прыгать не решился – он предпочел обляять добычу с берега.

– Фу, ну и трус! – воскликнул Том и пнул его ногой, оскорбленный как охотник тем, что владеет столь малодушным зверем. Боб промолчал и пошел дальше, решив ради перемены шага идти по краю разлившейся реки.

– Флосс теперь не так уж и полон, – сказал он, с удовольствием пиная воду, будто дразня ее. – А вот в прошлом году все луга под водой стояли, сплошным озером были.

– Да, но... – сказал Том, которому все время чудилось противоречие там, где его не было, – но ведь когда-то было большое наводнение, когда появился Круглый пруд. Я знаю, отец мне рассказывал. И овцы, и коровы – все тогда утонули, и лодки плавали по полям, словно по реке.

– А мне все равно, пусть хоть потоп будет, – сказал Боб. – Я воды не боюсь – ни больше, ни меньше, чем земли. Я бы и поплыл.

– А если было совсем было нечего есть? – возразил Том, воображение его уже разыгралось. – Вот я, когда вырасту, построю лодку с деревянным домиком наверху, как Ноев ковчег, и запаса в ней еду – кроликов там и все прочее, – все готовое. И тогда, если придет потоп, знаешь, Боб, я бы не боялся. И тебя бы взял с собой, если б увидел, что ты ко мне плывешь, – добавил он с тоном добродушного покровителя.

– А я не испугаюсь, – сказал Боб, которому голод казался не таким уж ужасным. – Но я бы забрался в лодку и оглушал твоих кроликов, если бы тебе захотелось их съесть.

– А я бы имел полпенса, и мы бы играли в «орел или реш-

ка», – сказал Том, не подозревая, что эта забава может потерять прелесть в зрелом возрасте. – Сначала поделили бы поровну, а потом посмотрели, кто выиграет.

– А у меня полпенса есть, – с гордостью сказал Боб, выходя из воды и подбрасывая монетку. – Орел или решка?

– Решка, – мгновенно ответил Том, охваченный азартом.

– Орел, – торопливо сказал Боб, подхватывая монетку с земли.

– Неправда, – громко и решительно возразил Том. – Отдай, я выиграл честно!

– Не отдам, – сказал Боб, крепко зажав полпенса в кармане.

– Я заставлю тебя, вот увидишь, – сказал Том.

– Ты ничего не сделаешь, – ответил Боб.

– Сделаю!

– Не сделаешь.

– Я здесь хозяин.

– А мне все равно.

– А я заставлю тебя пожалеть, жулик! – воскликнул Том и схватил Боба за ворот, потрянув его.

– Отстань! – закричал Боб и пнул Тома.

Кровь у Тома вскипела: он бросился на Боба, повалил его, но тот, цепкий, как кошка, обхватил Тома и потянул за собой. Они яростно боролись на земле, пока Том, прижав Боба за плечи, не решил, что победа за ним.

– Скажи, что теперь отдашь мне полпенса, – сказал Том,

с трудом удерживая Боба за руки.

Но в это мгновение Яп, бежавший впереди, вернулся, лая, к месту сражения и увидел благоприятный случай укусить босую ногу Боба – да еще с полным чувством безнаказанности и даже доблести.

Боль от укуса Япа, вместо того чтобы заставить Боба ослабить хватку, придала ему лишь новую ярость: он изо всех сил толкнул Тома, опрокинул его и оказался сверху. Но теперь Яп, который раньше не мог ухватиться как следует, вцепился зубами в другое место, и Боб, измученный нападками с двух сторон, отпустил Тома, схватил Япа за шиворот и, чуть не задушив, швырнул его в реку.

К тому времени Том уже поднялся на ноги, и прежде чем Боб успел как следует устоять после своего броска, Том кинулся на него, повалил и прочно прижал коленями к груди.

– Теперь отдавай полпенса, – сказал он.

– Забирай, – буркнул Боб сердито.

– Нет, не возьму. Сам отдай.

Боб вытащил полпенса из кармана и швырнул на землю в сторону.

– Мне не нужен твой полпенс, я бы его все равно не взял, – сказал Том. – Но ты хотел жульничать, а я ненавижу обман. Больше я с тобой никуда не пойду, – прибавил он, поворачиваясь домой, хоть и с сожалением, вспоминая о крысоловле и других забавах, от которых теперь придется отказаться вместе с обществом Боба.

– Ну и не ходи! – крикнул ему вслед Боб. – Буду жульничать, если захочу – иначе ведь играть неинтересно! И я знаю, где гнездо щеглов, да только тебе не скажу! А сам ты – злощий, драчливый индюк, вот ты кто!..

Том шел не оборачиваясь, и Яп последовал его примеру: купание остудило его воинственный пыл.

– Ну и ступай себе со своей утоплой собакой! – кричал Боб все громче, будто надеясь перекрычать свою обиду. – Я бы такой собаки не завел, ни за что бы не завел! – Но Том не обернулся, и голос Боба немного дрогнул, когда он добавил: – А я ведь тебе все показывал, все отдавал и ничего не просил взамен. Вот тебе твой нож с костяной ручкой, который ты мне дал!

С этими словами он запустил нож вдогонку Томасу – как можно дальше. Но тот даже не оглянулся, и Боб ощутил только горькую пустоту: теперь, когда нож исчез, будто пропала последняя опора в жизни.

Он стоял, пока Том не прошел через калитку и не скрылся за изгородью. Ножу, валявшемуся на земле, пользы не было – Том этого не увидит, а злость или гордость не могли перевесить в душе Боба любовь к карманному ножу. Его пальцы прямо ныли от желания снова ощутить под рукой знакомую шероховатую роговую рукоятку, которую они столько раз сжимали просто из привязанности. Да ведь у ножа было два лезвия, и оба недавно наточены! Как жить без ножика тому, кто хоть раз познал это высшее наслаждение?

Нет, бросить нож – все равно что бросить само сердце: отчаянный поступок, но неестественный. Поэтому Боб побрел туда, где в грязи лежал его любимый нож, и испытал странное удовольствие, вновь сжав его в руке после короткой разлуки, раскрыв сначала одно лезвие, потом другое и проведя по острой кромке закаленным большим пальцем.

Бедный Боб! Он не был чувствителен к вопросам чести, не обладал рыцарской натурой. В этом нравственном благоухании он едва ли имел бы цену в глазах общественного мнения Собачьего двора – того самого центра мира Боба, – даже если бы он смог туда проникнуть.

И все же, при всем этом, он не был таким уж ничтожеством и не был вором, каким его поспешно счел наш друг Том.

Но Том, как вы видите, был настоящим Радамантом⁷ – тем, кому свойственно обостренное чувство мальчишеской справедливости: справедливости, которая требует наказать виновного ровно настолько, насколько он того заслуживает, и не знает ни малейших сомнений в мере его вины.

Мэгги заметила мрачную тень на его лице, когда он вернулся домой, – и это мгновенно остудило ее радость от его неожиданного раннего прихода. Она едва осмеливалась заговорить с ним, пока он стоял у мельничного пруда, молча бросая в воду мелкие камешки.

Неприятно отказываться от задуманной крысоловли, ко-

⁷ Радамант – один из судей в подземном царстве (*греч. миф.*).

гда так настроился на нее. Но если бы Тома в эту минуту спросили, о чем он думает, он бы сказал: «Я бы все равно поступил так же». Таков он был: всегда смотрел на то, что уже сделано, в отличие от Мэгги, которой всегда хотелось, чтобы все вышло иначе.

Глава VII. Появление дядюшек и тетушек

Семейство Додсонов, несомненно, отличалось красотой, и миссис Глегг отнюдь не была самой невзрачной из сестер. Когда она сидела в кресле миссис Талливер, любой беспристрастный наблюдатель признал бы, что для пятидесятилетней женщины у нее весьма приятное лицо и статная фигура, хотя Том и Мэгги считали тетю Глегг воплощением уродства. Правда, она пренебрегала нарядами, хотя часто говорила, что ни одна женщина не могла бы потягаться с ней по части туалетов, сама она не надевала новое платье, пока старое не износится. Пусть другие, если им угодно, отдают свои лучшие кружева в стирку каждую неделю, – когда же миссис Глегг умрет, то обнаружится, что в правом ящике ее гардероба, в комнате с пестрыми обоями, лежит кружево куда изящнее, чем то, что когда-либо покупала миссис Вулл из Сент-Оггса, хотя та надевала свое кружево, еще не успев за него заплатить. То же касалось и накладных локонов: без сомнения, в ящике у миссис Глегг хранились самые блестящие и упругие коричневые завитки, а также завитки более мягкой и расплывчатой формы, но надеть такие, чтобы выглянуть в будний день на свет божий из-под глянцевого и тугого накладки, означало бы внести недопустимое и неприятное смешение между священным и мирским. Правда, иной раз

миссис Глегг позволяла себе надеть одни из третьесортных накладных локонов, отправляясь с визитом, но уж никак не к сестре, а тем более не к миссис Талливер, которая с самого замужества тяжело задевала ее тем, что носила собственные волосы, хотя, как замечала миссис Глегг в разговоре с миссис Дин, матери семейства вроде Бесси, у которой муж все время таскается по судам, следовало бы и самой иметь больше благоразумия. Но Бесси никогда не отличалась характером.

Так что, если сегодня локоны миссис Глегг выглядели мягкими и растрепанными, чем обычно, в этом таился умысел: этим она хотела сделать как можно более язвительное и колкое замечание насчет блондинистых кудрей Бесси, разделенных ровным пробором и приглаженных по бокам. Миссис Талливер не раз проливала слезы из-за сестринской злости по поводу этих, якобы неприличных для матери локонов, но осознание того, что они все-таки ее украшают, немного ее утешало. Сегодня миссис Глегг решила даже не снимать в доме шляпку – правда, она развязала ленты и сдвинула ее назад, – она часто так делала, когда была в дурном настроении: ведь никогда не знаешь, какие сквозняки бывают в чужом доме. По той же причине она надела короткую соболью накидку, доходившую лишь до плеч и уже давно не сходящуюся на груди, тогда как ее длинную шею охраняла целая изгородь из кружев и оборок. Чтобы определить, насколько отставало от моды ее платье из серого шелка, нужно было бы хорошо знать тогдашние фасоны, но, судя по рассеянным

по ткани крошечным желтым пятнышкам и легкому затхлому запаху, напоминавшему сырой сундук, платье принадлежало к тем нарядам, которые как раз только что перешли из категории «слишком новых» в категорию «теперь можно носить».

В руке миссис Глегг держала большие золотые часы, а цепочку обвила вокруг пальцев. Повернувшись к миссис Талливер, которая как раз вернулась из кухни, она заметила:

– Что бы там ни показывали чужие часы, а по моим – уже половина первого. Не знаю, что стряслось с сестрой Пуллит, – продолжала она. – В нашей семье всегда было заведено, чтобы все являлись одновременно. Уж при моем покойном отце это было непременно так, а не чтобы одна сестра сидела полчаса, прежде чем появятся остальные. Но если семейные порядки изменились, вины на мне не будет – я не из тех, кто приходит в дом, когда прочие уже уходят. Удивляюсь сестре Дин – раньше она была больше на меня похожа. Но, Бесси, если послушаешься моего совета, лучше подай обед пораньше, не задерживай его из-за тех, кто опаздывает.

– Ах, да они все успеют, сестра, – сказала миссис Талливер в своей мягко-жалобной манере. – Обед все равно не будет готов раньше половины второго. Но если тебе трудно ждать, я принесу тебе сырнй пирог и бокал вина.

– Ну, Бесси! – с горькой улыбкой и почти незаметным движением головы сказала миссис Глегг. – Я думала, ты знаешь свою сестру лучше. Я никогда не ем между приемами пищи

и не собираюсь начинать. Хотя, признаться, терпеть не могу этот вздор с поздними обедами – зачем есть в половине второго, когда можно поесть в час? Ведь ты же не так воспитана, Бесси.

– Что ж мне делать, Джейн? Мистер Талливер не любит садиться за стол раньше двух, но ради тебя я велела подать на полчаса раньше.

– Да, да, я знаю, каковы мужья, – они бы и после чая ели, если у них жены такие мягкотелые, что во всем потакают. Жаль тебя, Бесси, что у тебя нет силы характера. Гляди, чтобы детям не пришлось за это расплачиваться. И надеюсь, ты не наготовила нам слишком много – не надо тратить ради сестер, которые скорее будут грызть сухую корку, чем поспособствуют твоему разорению. Вот бы тебе взять пример с сестры Дин – она женщина рассудительная. А у тебя двое детей, и муж, говорят, промотал твое состояние в судах, да и свое промотает. Простой отварной кусок мяса, из которого потом можно сварить бульон, – этого вполне хватило бы, – добавила миссис Глегг с подчеркнутым возмущением, – и обыкновенный пудинг, ложка сахара и без всяких пряностей!

При таком расположении духа сестры Глегг денек обещал быть весьма веселым. Миссис Талливер никогда не доходила до ссоры с нею – не больше, чем утка могла бы поссориться с мальчишкой, кидающим в нее камешки: максимум – вытянет лапку в знак смиренной защиты. Но тема обеда была ще-

котлиной и давней, так что ответ у Бесси давно был наготове.

– Мистер Талливер говорит, что, пока в состоянии платить, будет угощать друзей как следует, – сказала она, – и он волен сам распоряжаться в собственном доме, сестра.

– Ну, Бесси, – ответила миссис Глегг, – я не смогу оставить твоим детям из своих сбережений столько, чтобы уберечь их от беды. Да и на деньги мистера Глегга не рассчитывай: хорошо, если я не умру первой, а ведь он из долгоживущего рода, и даже если бы умер раньше, оставив меня обеспеченной, он бы все равно завещал капитал своим родным.

Шум колес, раздавшийся во время ее речи, стал для миссис Талливер благословенным избавлением: она поспешила навстречу сестре Пуллит. А кто же еще? Ведь звук явно принадлежал четырехколесной карете. Миссис Глегг презрительно повела головой и недовольно поджала губы при мысли о «четырехколесной». На этот счет у нее существовало твердое мнение.

Сестра Пуллит была в слезах, когда коляска остановилась у двери миссис Талливер, и, по-видимому, ей нужно было пролить еще несколько слез, прежде чем выйти: хотя муж и сама хозяйка стояли, готовые поддержать ее, она все сидела и печально качала головой, глядя сквозь слезы куда-то вдаль.

– Да что же случилось, сестра? – спросила миссис Талливер. Она не отличалась богатым воображением, но тут ей пришло в голову, что, может статься, опять разбили большое зеркало на туалетном столике в парадной спальне мис-

сис Пуллит.

Ответом был лишь взмах головы: миссис Пуллит медленно поднялась и осторожно спустилась из коляски, не забыв взглянуть на мистера Пуллита – следит ли он, чтобы ее пре-красное шелковое платье ни за что не зацепилось. Мистер Пуллит был низеньким, с длинным носом, крошечными блестящими глазами и тонкими губами, в свежем черном костюме и белом галстуке, завязанном, казалось, ту же, чем того требовала простая забота о комфорте. На фоне своей высокой и статной жены с ее рукавами-фонариками, широкой накидкой и шляпой, украшенной перьями и лентами, он выглядел примерно так же, как маленький рыбацкий баркас рядом с бригам под полными парусами.

Это было трогательное зрелище и вместе с тем наглядный пример той сложности, которую вносит в человеческие чувства высокая степень цивилизации: вид модно одетой дамы, преданной горю. От скорби готтентотки до скорби женщины в широких, накрахмаленных рукавах, с несколькими браслетами на каждой руке, в чепце сложной архитектуры и с тонкими ленточками – какая длинная цепь градаций! В просвещенном чаде цивилизации естественная небрежность печали сдерживается и видоизменяется самыми тонкими оттенками – предмет, достойный наблюдения для аналитического ума. Если бы, с разбитым сердцем и глазами, застланными туманом слез, она прошла в дверной проем слишком неуверенной походкой, то могла бы помять накрахмаленные

рукава, и одно сознание этой возможности вызывает в ней особое сочетание сил, благодаря которому она идет прямо, едва-едва не задевая косяк. Почувствовав, что слезы льются слишком быстро, она отцепляет ленточки чепца и небрежно откидывает их назад – трогательное движение, выражающее, даже в самой глубокой скорби, веру в будущие спокойные минуты, когда эти ленточки снова обретут прелесть. Когда слезы немного иссякают, она, откинув голову под углом, который не повредит ее чепцу, переживает тот страшный миг, когда горе, утомив все прочее, утомляет и само себя – она задумчиво смотрит на свои браслеты и поправляет их застежки с тем нарочито-небрежным изяществом, которое доставило бы ей удовольствие, будь душевное равновесие восстановлено.

Миссис Пуллит с большим изяществом обмахнула оба косяка своими широчайшими рукавами (в ту пору женщина была в глазах строгих ценителей поистине смешной, если не достигала полутора ярдов в плечах) и, войдя в гостиную, где сидела миссис Глегг, снова приготовилась плакать.

– Ну, сестра, – сказала миссис Глегг довольно резко, пожимая ей руку, – ты опоздала. Что случилось?

Миссис Пуллит села, осторожно подбирая сзади свою накидку, и лишь потом произнесла:

– Ее больше нет, – сказала она, сама не замечая, что прибегла к торжественной фигуре речи.

«Значит, на этот раз не зеркало», – подумала миссис Тал-

ливер.

– Умерла позавчера, – продолжала миссис Пуллит. – Ноги у нее были толщиной с мое тело, – прибавила она после паузы с глубокой скорбью. – Ее прокалывали столько раз, чтобы спустить воду, но все равно... говорят, в ней можно было бы плавать, если б захотелось.

– Что ж, Софи, храни Господь, что она ушла, кто бы она ни была, – сказала миссис Глегг с решительностью и уверенностью человека, привыкшего к твердым суждениям. – Но я, признаться, не пойму, о ком ты говоришь.

– А я знаю, – вздохнула миссис Пуллит, покачав головой, – и во всем приходе не было другого человека с водяной. Знаю я: это старая миссис Саттон с Твентилендс.

– Ну, она тебе не родня и, сколько мне известно, не особо близкая знакомая, – сказала миссис Глегг, которая всегда плакала ровно столько, насколько прилично, когда что-то случалось с ее «родней», но не более.

– А я, может, и не родня, зато видела ее ноги, когда они были как бурдюки. И старушка-то какая – деньги-то приумножала и управляла ими сама до последнего дня и все ключи под подушкой держала постоянно. Таких прихожанок, пожалуй, больше и не найдется.

– А еще говорят, лекарств она принимала столько, что и телегу можно было бы ими нагрузить, – заметил мистер Пуллит.

– Да, – вздохнула миссис Пуллит, – у нее еще за много

лет до водянки была другая болезнь, и доктора никак не могли понять, что это. Она мне сказала на прошлое Рождество: «Миссис Пуллит, если когда-нибудь у вас будет водянка, вы вспомните обо мне». Так и сказала, – добавила миссис Пуллит, вновь горько заплакав, – это были ее последние слова. А хоронить ее будут в субботу, и Пуллит приглашен на похороны.

– Софи! – не выдержала миссис ГлеGG, не в силах больше сдерживать здравый протест, – Софи, удивляюсь я тебе: рыдаешь, здоровье свое подрываешь из-за людей, которые тебе не родня. Ни отец наш покойный так не делал, ни тетушка Фрэнсис, никто из семьи, сколько я помню. Ты бы не так сильно волновалась, если б мы узнали, что наш кузен Эббот умер, не оставив завещания.

Миссис Пуллит молчала, дожидаясь, пока иссякнут слезы, и чувствовала себя скорее польщенной, чем уязвленной этим выговором: не каждой дозволено столько плакать по соседям, которые ничего тебе не оставили. Но миссис Пуллит вышла замуж за зажиточного фермера и имела и время, и средства, чтобы горевать столько, сколько хочется.

– Однако миссис Саттон все же оставила завещание, – вставил мистер Пуллит, испытывая смутное чувство, что тем самым он оправдывает слезы жены. – У нас приход богатый, но говорят, никто не оставил после себя столько денег, сколько она. И никаких, можно сказать, особых завещательных подарков не сделала – все оставила племяннику мужа.

– Ну, не велика, стало быть, польза от богатства, – заметила миссис ГлеGG, – если уж не нашлось никого, кроме родни мужа, кому бы все оставить. Скучная доля тому, кто всю жизнь копил, чтобы досталось чужим. Не то чтобы я была из тех, кто хотел бы умереть, не оставив денег под проценты, – нет, но все ж грустно, когда добро выходит из семьи.

– Уверяю тебя, сестра, – сказала миссис Пуллит, уже оправившись настолько, чтобы снять вуаль и аккуратно сложить ее, – человек-то, которому она оставила свои деньги, очень приятный: страдает астмой и ложится спать каждый вечер в восемь часов. Он сам мне рассказал – так просто и мило – в воскресенье, когда пришел в нашу церковь. Носит на груди заячью шкурку и немного заикается – настоящий джентльмен. Я сказала ему, что почти круглый год хожу к докторам. А он сказал: «Миссис Пуллит, я вас понимаю». Вот так и сказал – слово в слово. Ах! – вздохнула миссис Пуллит, качая головой при мысли о том, как мало найдется людей, способных вникнуть в ее долгую историю про розовые и белые микстуры, крепкие и слабые настои, влажные пилюли по шиллингу и микстуры по восемнадцать пенсов. – Сестра, пожалуй, пойду сниму шляпу. Ты не видел, принесли мою коробку с чепцом? – обратилась она к мужу.

Мистер Пуллит по какой-то непостижимой забывчивости об этом позабыл и, с мучительным чувством вины, поспешил исправить упущение.

– Ее принесут наверх, сестра, – сказала миссис Талливер,

желая уйти вместе с ними, прежде чем миссис Глегг успеет высказать все, что думает о том, что Софи – первая из Додсонов, кто испортил себе здоровье бесконечным бесполезным лечением.

Миссис Талливер любила подниматься наверх вместе с сестрой Пуллит, рассматривать вместе с ней чепцы, обсуждать фасоны и моды вообще. Это была одна из слабостей Бесси, вызывавшая у миссис Глегг сестринское сострадание: Бесси, по ее мнению, одевалась чересчур нарядно, а дочь ее и вовсе не нуждалась в новом платье, когда можно было бы надеть вещи, щедро переданные теткой Глегг из самых первых слоев ее гардероба. Покупать что-то новое для этой девочки – просто грех! Разве что пару башмаков.

Впрочем, здесь миссис Глегг была не вполне справедлива: миссис Талливер действительно старалась уговорить Мэгги носить соломенную шляпку и крашеное шелковое платье, перешитое из старого платья тетушки Глегг. Но дело кончилось тем, что Мэгги, заявив, будто платье пахнет противной краской, воспользовалась удобным случаем и облила его соусом, едва надев, и, убедившись в успехе, потом обрызгала и шляпку, придав ей вид зрелого сыра, украшенного увядшими листьями салата. Надо сказать в оправдание Мэгги, что Том смеялся над ней в той шляпке и говорил, будто она похожа на старую Джуди⁸.

Тетушка Пуллит тоже делала подарки, но ее вещи бы-

⁸ Джуди – комический персонаж в английском народном кукольном театре.

ли достаточно хороши, чтобы нравиться и Мэгги, и матери. Из всех сестер миссис Талливер, без сомнения, больше всего любила именно сестру Пуллит, и та отвечала ей взаимностью, хотя и жалела, что у Бесси такие непослушные и нескладные дети. Она старалась сделать для них все, что могла, но сожалела, что они не такие хорошенькие и воспитанные, как дочь сестры Дин.

Мэгги и Том со своей стороны терпели тетю Пуллит – главным образом потому, что она не была тетей Глегг. Том соглашался навещать любую из них лишь раз за каникулы. Оба дяди, конечно, давали ему по монетке, но у тети Пуллит в подвале водилось столько жаб, в которых можно было кидать камешки, что это перевешивало. Мэгги, правда, содрогалась при виде жаб и потом видела их во сне, зато ей нравилась музыкальная табакерка дяди Пуллита.

Однако, по мнению сестер, высказанному в отсутствие миссис Талливер, кровь Талливеров плохо смешалась с кровью Додсонов: бедная Бесси передала детям всю непокорность мужа. Том, хоть и унаследовал цвет лица Додсонов, был, как говорили, «весь в отца». А Мэгги – вылитая тетка Мосс, сестра мистера Талливера, – высокая костлявая женщина, вышедшая замуж как нельзя хуже: без приданого, за мужчину, который еле-еле платит аренду. Когда же миссис Пуллит оставалась с миссис Талливер наедине наверху, разговоры, естественно, шли уже против миссис Глегг. Они дружно соглашались: неизвестно, каким еще пугалом наря-

дится сестра Джейн в следующий раз.

Но их tête-à-tête прервало появление миссис Дин с маленькой Люси, и миссис Талливер пришлось с неммым уколком зависти наблюдать, как расчесывают светлые кудри племянницы. Необъяснимо было, как у самой худенькой и бледной из всех сестер Додсон могла родиться такая девочка, которую легко было бы принять за дочь самой Бесси. На фоне Люси Мэгги всегда казалась вдвое смуглее. Так было и теперь, когда она с Томом вошла в комнату из сада вместе с отцом и дядей Глеггом. Мэгги бросила шляпку кое-как и, взъерошенная, бросилась к Люси, стоявшей у колен матери. Контраст между кузинами был очевиден – не в пользу Мэгги, хотя тонкий знаток мог бы усмотреть в ней стать, сулящую больше, чем безупречная аккуратность Люси. Они выглядели рядом как взлохмаченный черный, непомерно вытянувшийся щенок и белый котенок.

Люси подставила изящные розовые губки, чтобы Мэгги ее поцеловала, – все в ней было аккуратно: и маленькая круглая шея с коралловыми бусами, и прямой носик, ничуть не вздернутый, и тонкие, в цвет кудрей, брови, под которыми блестели ореховые глаза, глядевшие на Мэгги с застенчивым удовольствием. Мэгги, хоть и была почти одного возраста, была выше ее почти на голову и смотрела на Люси с восторгом. Она любила воображать мир, где люди никогда не становятся старше, чем они есть, и воображала королеву этого мира – точь-в-точь как Люси: с крошечной короной и ски-

петром, только на самом деле эта королева была Мэгги – в облике Люси.

– О, Люси! – воскликнула она, расцеловав ее. – Ты ведь останешься с нами, с Томом и со мной? Ну поцелуй же ее, Том!

Том подошел к Люси, но целовать не собирался – он подошел лишь потому, что это было проще, чем здороваться со всеми тетками и дядями. Он стоял, не глядя ни на кого, краснея и смущенно улыбаясь, как это бывает с застенчивыми мальчиками, которым, кажется, неловко даже существовать.

– Вот дела! – громко сказала тетя Глегг. – Мальчики да девочки теперь входят в комнату и не замечают теток и дядей! Не так нас учили в детстве!

– Подойдите, детки, поздоровайтесь с тетушками и дядюшками, – сказала миссис Талливер тревожно и печально. Ей хотелось прошептать Мэгги, чтобы та пошла и причесала волосы.

– Ну, как вы поживаете, детки? Надеюсь, вы слушаетесь родителей? – сказала тетя Глегг тем же громким, наставительным голосом, сжимая их руки так, что ее массивные кольца сдавливали кожу, и целуя их в щеки вопреки их желанию. – Подними голову, Том! Мальчики, что учатся в школе, должны держать голову прямо. А ну, посмотри на меня! – Том, впрочем, удовольствия не испытал и попробовал вырвать руку. – А ты, Мэгги, убери волосы за уши и поправь

платье на плече!

Тетя Глегг всегда так с ними говорила – громко, отчетливо, будто они глухие или, может, глуповатые: ей казалось, что так дети лучше почувствуют свою ответственность и удержатся от дурных поступков. Ведь Бесси так разбаловала своих!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.